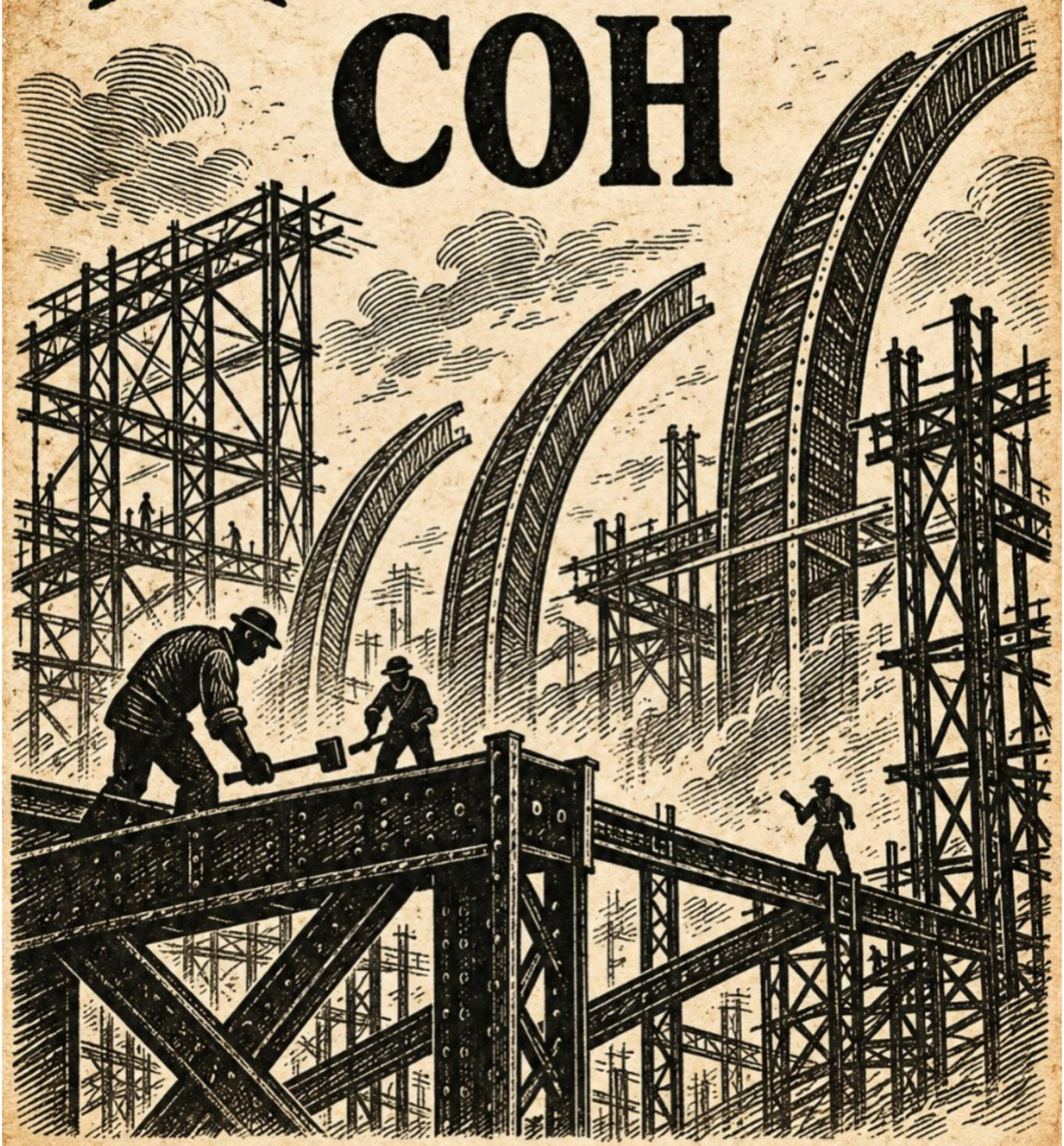
ЖЕЛЕЗНЫЙ СОН

А.М. СУНГУРСКИЙ

А.М. Сунгурский

Железный сон

«Автор»
2026

Сунгурский А.

Железный сон / А. Сунгурский — «Автор», 2026

Лида засыпает в собственной постели, а просыпается с обожжёнными ладонями. Муж находит этому простое объяснение. Тогда сосед возвращает её обручальное кольцо — она оставила его в кузнице, которой в городе нет.Ночью там работают десятки людей. За стенами грохочет железо, в темноте растёт что-то огромное. Каждый занят своей частью. Кто-то ждёт, когда они закончат.Лида ещё не знает, зачем её позвали и почему знакомые лица становятся чужими. Но муж, услышав о кузнице, спрашивает:«Ты там что-нибудь закончила?»

© Сунгурский А., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Кольцо на блюдце 5
Глава 2. До первого удара 12
Глава 3. Подкладка 18
Глава 4. Чужая постель 24
Глава 5. Два ряда 31
Глава 6. Фёдоров завтрак 37
Глава 7. Чужая знакомая 42
Конец ознакомительного фрагмента. 47

А.М. Сунгурский
Железный сон

Глава 1. Кольцо на блюдце

Лида проснулась оттого, что не могла разжать руки.

Пальцы слушались, но кожа на ладонях натягивалась при каждом движении, и боль шла к запястьям двумя горячими полосами. Некоторое время она лежала, подняв кисти над одеялом, и пыталась понять, когда успела обжечься. Вчера в мастерской утюг был занят почти весь день. Она переделывала Маринино пальто, злилась на подкладку, которую прежняя швея выкроила без запаса, и могла задеть горячее, не заметив. Но обжечь сразу обе ладони и забыть об этом казалось уже чем-то другим.

За окном ещё горел фонарь. Свет проходил через щель между шторами и ложился на край Викторовой подушки. Муж спал лицом к стене, выставив из-под одеяла голую пятку. Вчера вечером Лида смеялась над дыркой в его носке, а он отказывался отдавать носок в починку, потому что это, по его словам, был последний, который нигде не давил. Сейчас пятка выглядела совершенно чужой частью знакомого человека, и Лида почему-то рассердилась на неё.

Она села, придерживая одеяло тыльными сторонами кистей. На столике лежали телефон, Викторовы часы и раскрытая коробка от таблетки, которую он принял вечером от головной боли. Своё кольцо она обычно клала в маленькое блюдце с синими полосками. Блюдце стояло возле часов, пустое.

Лида посмотрела на правую руку. На безымянном пальце осталась светлая вдавленная полоса. Кольцо должно было быть здесь: вчера она так и не сняла его перед сном. Помнила, как цепляла ногтем за край и решила отложить, потому что руки немного отекли после работы.

Она включила лампу.

Виктор повернулся не сразу. Сначала натянул одеяло на плечо, потом приоткрыл один глаз и спросил, который час.

— Шесть двадцать. Посмотри, что у меня.

Он приподнялся на локте. Лида протянула обе руки, и муж сел так быстро, что подушка свалилась на пол.

Краснота шла от основания большого пальца поперёк каждой ладони. Справа посередине вздулся маленький светлый пузырь. На левой коже виднелись три тёмные точки, будто въевшаяся пыль. Лида попробовала потереть одну пальцем и тут же отдёрнула руку.

— Не трогай, — сказал Виктор.

Он взял её за запястья. Подержал, разглядывая, затем почему-то перевернул правую руку тыльной стороной к себе.

— Ты вчера утюгом?

— Двумя сразу?

— Я спрашиваю.

— Я тоже. Как можно вот так утюгом? Ладно бы ребро задела.

Виктор отпустил её и встал. Он ходил по комнате, подбирая вещи, пока Лида продолжала сидеть под лампой. Поднял с пола футболку, но надел другую, чистую, взятую с полки; она заметила это с непонятной сейчас отчётливостью. Обычно утром он натягивал то, что попадалось первым.

— Давай съездим, пусть посмотрят.

— Ты кольцо не видел?

Он остановился возле шкафа.

— Какое?

Лида подняла правую руку.

— У меня много обручальных?

— На блюдце, наверное.

— Я там уже посмотрела.

Он подошёл к столику и поднял часы, как будто кольцо могло лежать под ними. Потом зачем-то взял коробку от таблетки. Лида следила за его руками. На левой, возле мизинца, была старая царапина, почти зажившая; на правой свежих следов не видно.

— Может, в ванной оставила.

— Я не снимала.

— Значит, во сне сняла.

Она хотела ответить, что во сне ещё и приготовила ужин на собственных ладонях, но он уже ушёл в кухню. За стеной загудел чайник. Лида посидела ещё немного, потом нашла тапочки и поднялась.

В ванной пришлось открывать кран локтем. На ладони падала вода, и боль становилась иной — глубже, с медленным пульсом. Лида смотрела на себя в зеркало. Волосы с одного бока примялись к щеке, на лбу отпечатался шов наволочки. Обычное утро женщины, которая заснула позднее, чем собиралась, и теперь хотела ещё хотя бы полчаса.

Она попробовала вспомнить вчерашний вечер до конца. Пальто забрала с собой, чтобы дома прикрепить пуговицы. Виктор привёз картошку и пакет груш; две груши оказались мягкими, и она вырезала из них потемневшее. Потом звонила Женя. У дочери сорвалась съёмка — заказчик решил, что можно обойтись фотографиями на телефон, — и весь разговор та объясняла, почему ей всё равно. Лида слушала, пришивая пуговицу, и не стала говорить, что человеку, которому всё равно, не понадобилось бы столько подробностей.

Дальше они смотрели что-то про старый дом. Виктор уснул в кресле. Она разбудила его, когда пошли титры.

И ещё был звук.

Лида выключила воду.

Во сне кто-то бил по железу. Она не видела удара, но знала, что сейчас придётся держать крепче. Между ладонями лежало что-то широкое, с круглым краем. Слева мужчина говорил: «Не туда, мне на себя дай». Она тянула к нему тяжесть, а он сердился, потому что его ноге мешал ящик.

Больше ничего. Ни лица, ни места. Только ощущение, что они давно занимаются этим и она очень устала.

Виктор появился в дверях с полотенцем.

— Вот, чистое.

— Мне железо снилось.

Он развернул полотенце, подставляя ей под руки.

— После утюга и приснилось.

— Ты уже решил, что это утюг?

— Лида, я ничего не решил. У тебя ожог. Надо показать.

Он говорил спокойно, и именно это начинало её злить. Когда она однажды порезала палец о лопнувшую чашку, Виктор успел рассердиться на чашку, на её привычку мыть посуду на ночь и на себя за то, что не выбросил посудину раньше. Теперь словно заранее знал, куда положить руки и какое принести полотенце.

Она позволила осторожно промокнуть воду, а потом сама забрала полотенце, придерживая его за сухой край.

— Я могу говорить с тобой, пока мы собираемся. Одно другому не мешает.

— Говори.

— Я во сне держала какую-то железную штуку. С другим человеком.

— Бывает.

Он сказал это так тихо, что Лида не сразу расслышала. Переспросила, но Виктор уже потянулся мимо неё за зубной щёткой.

— Говорю, сны разные бывают.

***

В мастерскую Лида позвонила из машины. Валя, которая принимала вещи, ответила с ходу:

— Если ты про Марину, ещё не приходила.

— Я про себя. Буду позже. Руки обожгла.

— Сильно?

— Не знаю. Сейчас посмотрят.

Валя помолчала. На заднем плане звякнула дверная пружина, и её голос стал торопливым:

— Тогда не приезжай. Марине сама скажу, что пальто у тебя и сегодня не отдашь.

— Сначала спроси, во сколько ей действительно нужно. Она вчера сказала «к вечеру», а потом оказалось, что к обеду.

— Я знаю, как она говорит. Ты руки береги.

Лида закончила вызов и положила телефон на колени. Виктор ждал, не заводя машину. На стекле лежали мелкие капли; двор за ними казался рассыпанным на отдельные кусочки, и муж провёл щётками только после того, как она застегнула ремень.

— Я тебя отвезу, потом на склад. Если задержишься, позвони.

— Ты утром никуда не выходил?

— Нет.

— И ночью?

Он посмотрел на неё.

— Куда я ночью пойду?

— За водой. В кухню. Я не знаю.

— Спал я. Ты тоже спала рядом. Ворочалась немного.

Лида коснулась пальцем края повязки, которую он помог закрепить перед выходом. Она собиралась спросить, когда именно ворочалась, но поняла, что из ответа всё равно ничего не узнает. У Виктора ночью не было часов перед глазами. У неё тоже. Можно было проспать семь часов и не заметить, как тот, кто лежит рядом, встаёт и возвращается.

— Ладно, — сказала она.

Он завёл машину.

После осмотра руки болели меньше, но работать с тонкой иглой в этот день Лиде не рекомендовали. Она слушала, задавала вопросы и никак не могла толком ответить на самый простой из встречных: чем обожглась. Назвала утюг, потом поправилась и сказала, что не уверена. Врач ещё раз посмотрела на ладони. Лида не стала рассказывать о железе во сне: это пока звучало как попытка отшутиться там, где от неё ждали внятного ответа.

Домой она вернулась одна. Виктору написала коротко, что всё обработали, перевязали и ничего страшного сейчас не нашли. Он сразу перезвонил, но у подъезда как раз остановился сосед, и Лида сбросила вызов, отправив: «Дома. Потом».

Фёдор Ланцов стоял возле своей старой машины с открытым багажником. Внутри лежали две деревянные дверцы и длинная планка, обёрнутая одеялом. Сосед держал в зубах перчатку,

пока освобождал рукой край одеяла, зажатый замком. Увидев Лиду, он кивнул ей подбородком, потом вынул перчатку изо рта.

— Вот ты где. А я к вам стучал.

— Мы уезжали.

— Я понял. Там никто не ответил.

Он захлопнул багажник, проверил рукой, заперт ли, и только тогда заметил повязки.

— Сильно прихватило?

— Терпимо.

— А я тебе говорил, на ребро не бери.

Лида посмотрела на него.

Фёдор был в коричневой куртке с новым чёрным воротником. Она сама перешивала ему эту куртку прошлой осенью и помнила, как он не хотел расставаться с прежним, вытертым воротом, потому что там удобно лежал подбородок. Сейчас под подбородком торчала щетина, которую он пропустил при бритье. Обычный Фёдор, умеющий с серьёзным видом спросить что-нибудь нелепое, чтобы потом самому над этим посмеяться.

Но он не смеялся.

— Где ты мне говорил?

— Там. У ящика. Ты за край взялась, а он ещё горячий был. Я только повернулся…

Он остановился, словно до него наконец дошло выражение её лица.

— Ты не помнишь?

Лида услышала, как за спиной хлопнула дверь подъезда. Из неё вышел мальчик с самокатом и тут же поставил ногу на доску, хотя мать, шедшая следом, ещё говорила ему застегнуть куртку. Самокат прогремел по шву асфальта. Фёдор посмотрел вслед ребёнку, пережидая шум.

— В смысле, совсем?

— Фёдор Иванович, я только что от врача. Мне сейчас не до твоих шуток.

— Да какие шутки.

Он расстегнул карман и достал клетчатый платок. Развернул на ладони, подцепил пальцами что-то маленькое. Лида увидела кольцо раньше, чем он успел протянуть.

— Сняла и на ящик положила. Я забрал, когда уходил. Думал, утром занесу.

На золоте был короткий косой след — тот самый, который остался несколько лет назад, когда кольцо зажало ручкой тяжёлой сумки. Она много раз собиралась отдать его отполировать и каждый раз забывала. С внутренней стороны, если повернуть к свету, виднелись две буквы, неровно нанесённые ещё при покупке. Виктор тогда хотел дату, но в магазине сказали, что ждать придётся дольше, и он согласился на инициалы.

Лида взяла кольцо двумя пальцами за край. Оно было холодным.

— Откуда оно у тебя?

— Только что сказал.

— Скажи ещё раз.

Фёдор убрал платок. Теперь он смотрел на неё внимательно, без прежней соседской рассеянности.

— В кузнице. Ты сняла его перед работой. Сказала, что палец распухнет, а кольцо тогда не стащить. Положила вот так, на самый угол. Я ещё подвинул, чтобы не смахнула.

Он показал двумя пальцами маленькое движение по невидимой поверхности.

Лида помнила ящик. Деревянный, хотя вокруг было железо. На боку у него темнел прямоугольник, будто там раньше прибили дощечку, потом оторвали. Она помнила, как тянула тяжесть к человеку слева, а ему мешал этот ящик. Даже успела подумать: почему он просто не отодвинет его ногой?

— Там пятно было, — сказала она. — Сбоку.

— На чём?

— На ящике.

— Не знаю. Может. Я в основном на тебя смотрел. Ты ведь первый раз.

Сосед произнёс последние слова уже иначе, словно решил больше не считать её память надёжной. Лида сжала кольцо между большим и указательным пальцами. В ладонь оно не упиралось, но ей всё равно показалось, что от металла идёт жар.

— Какая кузница?

Фёдор оглянулся на подъезд.

— Давай не здесь.

— Здесь скажи.

Он провёл ладонью по губам и посмотрел на её перевязанные руки.

— Та, которая снится. Ты что, и Виктору не говорила?

***

У Фёдора в кухне пахло жареным луком и мокрым деревом. На подоконнике сохли вымытые дощечки, прижатые чашкой, а возле плиты стояла сковорода с остатками картошки. Лида бывала здесь прежде: забирала куртку, приносила заказ, однажды помогала соседу разобрать посылку, которую он не мог открыть больной рукой. Тогда он долго рассказывал про складной стул и объяснял, почему крепление в новой модели сделано хуже старого. Сегодня стул стоял возле стены, сложенный, и Фёдор вытащил для неё обычную табуретку.

— Чаю?

— Нет.

— Я себе налью.

Он взял с полки вторую чашку, помедлил и всё-таки поставил её перед Лидой. Она не стала спорить. Кольцо положила на середину стола. Оно лежало между ними, будто единственная вещь, ради которой и начался этот разговор.

Фёдор сел, опираясь локтями о колени.

— Первый раз у меня тоже утром куски только остались. Потом вспомнил.

— Когда это было?

— В конце сентября. Числа не скажу. Я тогда ещё дверь Серёге делал, вот эту, которая в машине. Одну сделал, со второй всё тяну.

— Ты каждую ночь туда ходишь?

— Не каждую. Иногда сплю — и ничего. А иногда будто смена ещё одна. Только здесь глаза закрыл, там уже ждут.

Он отпил чай и поморщился: слишком горячий. Лида подумала, что нужно попросить его показать руки, но сосед сам повернул чашку, и она увидела узкую красную полоску на внутренней стороне запястья.

— Это тоже там?

— Это я об сковороду. В пятницу. Не всё оттуда.

Ей стало стыдно за поспешность, но легче не сделалось.

— А кольцо ты как принёс?

— В кулаке. Засунул в руку, чтобы не забыть. Когда проснулся, оно было здесь.

— В какой руке?

— В правой.

— Ты правой работаешь.

— А уходил-то я уже не работать. Свет пошёл. Там, как светать начинает, инструмент лучше положить. Иначе потом ищешь по всей постели. Я один раз проснулся, а под боком стружка. Жена бы мне сказала всё, что думает, но она у меня давно отдельно живёт. Сказать некому.

Лида знала, что жена уехала от него несколько лет назад. Он говорил о ней то с обидой, то почти весело, и она никогда не понимала, развелись они или просто перестали жить вместе. Сейчас Фёдор упомянул её так буднично, что странная кузница на секунду оказалась в одном ряду с подтекающим краном и неудобной постелью.

— Что вы там делаете?

— Я клепаю. Тебе вчера держать дал. С непривычки тяжело, но вдвоём легче.

— Для чего клепаешь?

Он пожал плечами.

— Что-то большое. Там от нашего места не видно. Листы идут один к другому, дальше перегородка. Я сначала думал, котёл. Потом смотрю — куда такой котёл? В нём дом поместится.

— И ты не спросил?

— Спросил. Сказали, когда закончим, посмотрим.

— И тебе хватило?

Фёдор обиделся. Она увидела это по тому, как он подвинул к себе чашку и выпрямился.

— Лида, мне снится. Я сперва и не знал, что ещё кому-то. Ты бы в своём сне сильно со всеми спорила? Там руки знают, что делать. Я за последнее время днём так не работал, как там.

Он посмотрел на дощечки у окна и замолчал. Лида могла бы спросить, почему днём не работал, но вопрос уже имел ответ в каждой его затянувшейся истории про дверь и стул. Она взяла чашку за ручку двумя пальцами. Чай остыл настолько, что можно было пить.

— Виктора ты там видел?

Фёдор поднял глаза.

— Нет. А он ходит?

— Не знаю.

Сосед хотел что-то добавить, но она качнула головой. Пока не нужно было больше ни советов, ни предположений. Ей хотелось вернуться домой и увидеть пустое блюдце там, где оно стояло утром, будто это могло разделить день на понятные части: кольцо исчезло из её комнаты и оказалось у соседа. Всё остальное ещё можно было не знать. Перед уходом она убрала кольцо в карман куртки.

***

Виктор вернулся раньше обычного. Лида сидела в кухне над Мариниым пальто: положила его на стол и пыталась понять, можно ли прикрепить пуговицу, удерживая иглу одними пальцами. На третьем стежке боль заставила бросить работу. Пальто так и лежало, распахнутое, с тёмной подкладкой наружу.

Кольцо она положила на синее блюдце и принесла блюдце сюда.

Муж увидел его с порога. Не спросил, нашла ли. Снял куртку, повесил на спинку стула и потянулся к чайнику.

— Фёдор принёс, — сказала Лида.

Виктор налил воды мимо носика. Несколько капель упали на столешницу; он вытер их ладонью и только после этого повернулся.

— Хорошо. Где нашёл?

— В кузнице.

Он стоял с чашкой в руке.

— Ты ему рассказывала?

— Он мне рассказал. Про ящик, про кольцо. Про то, как мы с ним что-то держали. Я ему ничего не успела сказать.

Виктор поставил чашку и сел напротив. Некоторое время смотрел на её ладони. Лида ждала.

За окном проехала машина с громкой музыкой, и от баса коротко задрожало стекло в шкафу. Муж привычно покосился на шкаф: там плохо держалась одна полка, которую он всё собирался поправить. Лида знала этот взгляд. Раньше он её успокаивал — Виктор замечал вещи, способные упасть, сломаться, причинить маленькую домашнюю беду. Сейчас ей хотелось заставить его смотреть только на неё.

— Ты знаешь, что это за место.

Он молчал.

— Витя.

— Мне нужно понять, что было.

— Я сказала, что было.

Он поднял глаза. Впервые за весь день Лида увидела, что муж боится.

— Ты там что-нибудь закончила?

Глава 2. До первого удара

Лида не ответила. Муж продолжал смотреть на неё, и постепенно в его лице появилось нетерпение, знакомое ей по другим разговорам: так он ждал, когда она наконец скажет, брать ли в магазине ещё один пакет молока. Будто вопрос был обыкновенным и задержка возникла только по её вине.

— Что значит — закончила?

— Свою работу.

— Я даже не знаю, какая она у меня. Ты знаешь?

Виктор отодвинул чашку. Край блюдца с кольцом тихо звякнул о неё.

— Я тоже там бываю.

Лида ждала, что после этих слов станет легче. Вместо этого она вдруг увидела весь прошедший день: его руки на её запястьях, чистое полотенце, поездку, уверенное «после утюга». Он уже знал. Всё утро знал и смотрел, как она пытается припомнить ожог, которого не было в её вчерашнем дне.

— Давно?

— С сентября.

— С какого сентября?

— Лида.

— Я не шучу. У тебя сейчас такой вид, что я лучше уточню год.

Он потёр лоб ладонью.

— С этого. Несколько недель.

— И ни разу не сказал.

— А что я должен был сказать? Что по ночам работаю? Ты бы велела мне перестать смотреть всякую ерунду перед сном.

— Значит, решил сразу за меня, что я скажу. Удобно.

— Я не так выразился.

Он начал объяснять, что сначала приходил туда редко, что иногда утром не оставалось ничего, кроме усталости, что один раз проснулся на диване и не мог понять, зачем ночью перебрался из спальни. Лида слушала и чувствовала, как разговор уходит от неё. Сейчас можно было пройти за Виктором через все эти ночи, а потом обнаружить себя в том же месте: он не собирался ей говорить и не сказал бы сегодня, если бы сосед не принёс кольцо.

— Ты видел там Фёдора?

— Нет.

— А меня?

— Нет.

Ответ пришёл быстро. Она посмотрела мужу в глаза; он выдержал взгляд.

— Тогда почему спрашиваешь, закончила ли я?

Виктор потянулся к блюдцу, но не взял кольцо. Повернул блюдце так, что синяя полоска оказалась ближе к нему.

— Там говорят, что после законченной работы люди забывают друг друга.

— Кто говорит?

— Рабочие.

— Ты видел это?

Он опустил глаза на кольцо.

— Я видел, что с людьми что-то происходит.

— Что именно?

— Они потом иначе разговаривают.

Лида откинулась на спинку стула. Так отвечали клиенты, когда портили вещь сами и хотели, чтобы виноватой оказалась мастерская: что-то произошло, стало иначе, раньше не было. Она почти слышала собственный рабочий голос — покажите, где именно, когда заметили, кто носил. Только сейчас перед ней сидел человек, с которым она прожила двадцать два года, и этот голос казался унизительным для обоих.

— Ты мне всю правду говоришь?

Виктор посмотрел на неё не сразу.

— Я не знаю всей правды.

— Это ответ на другой вопрос.

Он встал и подошёл к окну. Отодвинул край шторы, посмотрел во двор, хотя там ничего не происходило. Лида могла бы продолжать спрашивать. У неё было достаточно времени, и он никуда не торопился. Но именно сейчас она поняла, что от времени здесь ничего не зависит: можно просидеть до утра и услышать только те слова, которые Виктор согласится произнести.

Она убрала пальто со стола. На одном плече ещё висела нитка с иглой; Лида осторожно вколола иглу в припуск, чтобы не потерять, и сложила вещь на диван.

— Если ночью попадём туда вместе, ты мне всё покажешь.

— Мы не обязательно будем рядом.

— Но искать меня можешь?

— Могу.

— Тогда ищи.

Он вернулся к столу и сел.

— Только не заканчивай ничего. Пока мы не разберёмся.

— А я пойму, что заканчиваю?

Виктор сжал губы. Лида смотрела на него и ждала. Впервые за разговор он, кажется, пытался найти ответ, которого у него действительно не было.

— Если попросят закрыть весь ряд, не соглашайся. Последнее крепление не ставь. Скажи, что руки болят.

— Они и болят.

— Я знаю.

Она забрала блюдце с кольцом в спальню. Муж остался в кухне. Когда Лида возвращалась за телефоном, он сидел, закрыв лицо руками, и она тихо прошла мимо, не трогая его за плечо.

***

До одиннадцати они не ложились. Виктор поправил полку в шкафу, хотя Лида просила его об этом ещё весной. Потом помыл посуду и принёс в спальню второй стакан воды. Она читала на телефоне старую переписку с Женей, где нужно было найти адрес заказчика, обещавшего дочери съёмку. Адрес ни для чего сейчас не требовался. Просто в этой переписке слова означали то, что означали: «приду к десяти», «ключ у соседки», «мам, только не звони ему сама».

Лида задержалась на последнем сообщении. Даже Женя знала, что иногда она слишком быстро бралась поправлять чужую жизнь. Но дочь хотя бы могла остановить её одной фразой.

Виктор лёг, оставив лампу включённой.

— Выключить? — спросил он спустя некоторое время.

— Пусть горит.

Она положила телефон экраном вниз и устроила руки поверх одеяла, чтобы не придавить. Кольцо осталось на блюдце. Лида видела его боковым зрением, пока смотрела в потолок.

Нужно было не уснуть сразу. Хотя бы заметить, в какой момент обычная комната перестаёт быть комнатой. Она слушала дыхание мужа и шорох машин за окном, считала светлые

полоски на потолке. В детстве для этого были овцы, но овец она никогда не могла вообразить достаточно одинаковыми: одна неизбежно начинала жевать забор, другая останавливалась, и счёт терялся. С полосками оказалось не лучше. Стоило проехать машине, как они расползались и возникали снова в другом порядке.

Виктор повернулся на бок. Она услышала, как скрипнула пружина, и подумала, что утром надо всё-таки позвонить Жене.

Следующая мысль была о том, что снизу дует.

Лида стояла на железном настиле. Под подошвами проходили узкие щели, сквозь которые тянуло прохладой. Там, внизу, ничего не было видно, кроме темноты. Она подняла голову слишком резко и почувствовала тошноту: пространство вокруг оказалось гораздо выше, чем она ожидала.

Над ней уходили вверх изогнутые полосы металла. Их верхние концы терялись в дымном свете. Между полосами висели мостки, кое-где к ним приставили лестницы. На одном дальнем переходе медленно двигался человек, неся перед собой длинную вещь. По сравнению с дугами он выглядел маленьким, как фигурка на старой настенной карте.

Лида попыталась найти потолок. Его не было.

— Не запрокидывай, закружится, — сказал Фёдор.

Он сидел на том самом ящике и возился с ремешком на рукаве. Возле ноги лежал короткий тяжёлый молоток; рукоять была обмотана тканью. На Фёдоре оказался длинный жилет, которого Лида прежде не видела, и плотные брюки, внизу прихваченные тесьмой. Собственные её ноги были в мягких чёрных ботинках. В них не давило нигде, даже в том месте, где обычная обувь натирала мизинец.

Она посмотрела на ладони. Повязки остались. Только сверху на кистях появились тёмные нарукавники, защищавшие запястья; изнутри они пахли сырым войлоком.

— Ты откуда взялся?

— Раньше тебя пришёл. Думал, сегодня не будет.

— Что не будет?

— Тебя. С такими руками.

Фёдор встал и поднял молоток. Лида невольно отступила.

— Я не буду ничего держать.

— Да я вижу. Ты хоть скажи, что болит. Я ж вчера не знал.

— Вчера у меня не болело, пока я не взялась.

Он помолчал, рассматривая её повязки, потом положил молоток на ящик.

— Верно. Ладно. Пока постой.

Слово «пока» прозвучало так, будто следом непременно должна была начаться работа. Лида оглянулась. За ними поднималась тёмная стенка, впереди изогнутый лист держался на нескольких широких скобах. Слева оставался проход, справа проход упирался в высокую решётчатую перегородку. Вдоль неё кто-то развесил рукавицы: пары были разными, и одна белая рукавица висела без второй.

Уходить можно было только налево.

— Где выход?

Фёдор указал вверх.

— Когда светает, отсюда идёт.

— Я про дверь.

— Не видел.

Она прошла к левому проходу. Настил слегка пружинил, хотя под ним не было заметно никакой опоры. Лида старалась ставить ноги ближе к краю, где железо толще. Через несколько шагов проход повернул, и она оказалась перед лестницей, спускавшейся вдоль стены.

Снизу поднимался запах мокрого камня. Лида поставила ногу на первую ступеньку, взялась за перила кончиками пальцев и остановилась. Перила были тёплыми; повязка сразу зацепилась за шершавую поверхность. Она освободила её, стараясь не потянуть кожу.

— Лида! — позвал Фёдор.

Он появился в повороте. Дышал чаще, чем обычно.

— Подожди. Не туда.

— Ты знаешь, что внизу?

— Нет.

— Тогда почему не туда?

Фёдор подошёл и посмотрел через её плечо. Ступеньки уходили в темноту. Часть лестницы была видна, потом сразу пропадала, будто свет обрывался на определённой высоте.

— Вчера оттуда вернулись двое. У одного сапога не было.

— А ноги были?

— Были. Но он сильно ругался.

Лида неожиданно засмеялась. Смех вышел коротким, злым, и помог ей отступить от лестницы, не чувствуя себя совсем уж трусливой. Фёдор тоже улыбнулся, хотя, кажется, не понял, чему.

Она прислонилась спиной к стене.

— Витю не видел сегодня?

— Нет. Он всё-таки здесь?

— Говорит, что бывает.

— Вот ведь семейка. Днём пашете, ночью пашете. Мне-то хотя бы скучно одному.

Он сказал это без упрёка. Лиде стало холодно под нарукавниками. Она представила спальню, свет лампы и мужа в соседней половине кровати. Хотелось закрыть глаза и оказаться там, но за веками продолжал гудеть металл. Она открыла глаза, ничего не изменилось.

— Попробуй сесть, — сказал Фёдор. — Иногда так быстрее.

— Что быстрее?

— Просыпаешься. Когда не занят.

Она вернулась к ящику и села. Фёдор с облегчением взял молоток. Ему явно было проще, когда она находилась там, где он её видел.

Теперь Лида могла разглядеть то, что вчера держала руками. Изогнутый лист лежал на двух поперечных опорах. Его наружная кромка была тускло-красной, хотя рядом не горел огонь. Фёдор коснулся металла длинным инструментом с плоским концом и подал лист немного к себе. Металл прогнулся так легко, словно это была толстая мокрая кожа, а потом застыл в новом положении.

Лида смотрела, забыв, что собиралась проснуться.

— Он мягкий?

— Пока принимает. Потом держит.

Фёдор сказал это с удовольствием человека, которому достался хороший материал. Он приложил плоский инструмент к краю листа и ударил молотком. Звук прошёл через настил, поднялся по Лидиным ногам и отозвался у неё в груди. Она сжала зубы.

С соседнего участка ответили двумя ударами. Потом ещё откуда-то сверху. Весь огромный каркас загудел, словно несколько людей тронули одну длинную струну в разных местах.

Фёдор дождался, пока гул утихнет, и снова ударил.

На красной кромке появилось тёмное круглое пятно. Он прижал следующий участок, но тот не лёг к опоре: край уходил вниз, и инструмент выскальзывал. Фёдор попробовал ещё раз, сердито поджал губы.

— Я же сказала, что держать не буду, — предупредила Лида.

— Да я и не прошу.

Он положил молоток, полез под опору и стал искать там что-то, двигая ногами по настилу. Лида видела только его спину. На жилете возле лопатки был зашит длинный разрез, причём стежки сделали в неверном направлении: при каждом движении нитка натягивалась так, что ткань скоро должна была снова разойтись.

Фёдор выпрямился с длинной металлической вилкой. У неё было два толстых зубца и деревянная рукоять. Он поддел вилкой край листа, упёр рукоять в ящик и наконец смог прижать металл туда, куда хотел.

— Видишь? — сказал он. — Без тебя обойдёмся. Сиди.

Это почему-то задело Лиду сильнее, чем просьба помочь. Она сидела, пока он работал, и чувствовала себя ненужной среди вещей, которые знали своё назначение. В мастерской она привыкла смотреть на чужие руки и заранее замечать, где человеку будет неудобно. Здесь приходилось молчать и ждать, пока другой человек решит, что с ней делать.

Из-за перегородки донёсся женский голос:

— Кто-нибудь, подержите конец!

Фёдор не остановился. Лида повернула голову. Между прутьями было видно только часть соседнего настила и край тёмного листа, стоявшего вертикально.

— Подержите! Он сейчас пойдёт!

На этот раз голос дрогнул. Лида вскочила, но Фёдор перехватил её за рукав.

— Сиди. Я.

Он сунул молоток в петлю на поясе и пошёл вдоль перегородки. Через несколько шагов отодвинул незаметную створку. С той стороны послышался тяжёлый скрежет, потом ругань — женская, короткая и очень земная. Фёдор сказал что-то успокаивающее. Лида не расслышала слов.

Она осталась одна.

Неподвижный лист перед ней медленно терял красноту. На нём виднелись круглые следы ударов, а в дальнем конце ряд прерывался: оставался промежуток шириной в её ладонь. Лида представила, как легко было бы подойти и завершить начатое. Само пустое место раздражало, как пропущенный стежок на ровной строчке.

Она отвернулась.

В проходе стоял мужчина в коротком тёмном пальто. Он был без головного убора, с седой щетиной на подбородке. Держал в руках пару рукавиц и смотрел на Лидины повязки.

— Для вас принёс, — сказал он.

Она не двинулась.

Мужчина положил рукавицы на ящик рядом с ней. Одна была чуть больше другой; на меньшей поперёк ладони пришили второй слой кожи.

— В первый раз никто не верит, что может обжечься. Руки же дома, под одеялом.

— Вы кто?

— Здесь меня мастером зовут.

Он говорил негромко. Чтобы расслышать, Лиде пришлось перестать слушать Фёдора за перегородкой.

— Я домой хочу.

— Вернётесь.

— Сейчас.

Мастер посмотрел вверх. Лида проследила за его взглядом, но увидела только дымный свет между железными дугами.

— Ещё рано.

— Вы можете меня разбудить?

— Нет.

Ответ прозвучал без нажима, и оттого ему было трудно не поверить. Мастер опустил глаза на незаконченный ряд. Лида встала между ним и листом.

— Я не умею этого делать.

— Уже вижу.

Он не улыбался, однако в голосе было что-то похожее на насмешку. Лида почувствовала, как краснеет, и рассердилась на себя за эту готовность оправдываться перед незнакомцем.

— Тогда найдите того, кто умеет.

— Пока нашёл того, кому нужны рукавицы. Это проще.

Он повернулся к перегородке и окликнул Фёдора. Тот ответил из-за стены, попросил подождать, потом появился в проходе. На правом рукаве у него темнело мокрое пятно.

— Удержали? — спросил мастер.

— Удержали. Надо там нижний упор подвинуть, она одна не справится.

— Посмотрю.

Он прошёл туда, откуда вышел Фёдор, и створка закрылась за его спиной. Сосед вернулся к листу, посмотрел на рукавицы, потом на Лиду.

— Добыл всё-таки. Я ему вчера сказал.

— Ты его знаешь?

— Только здесь. Мне его никто не представлял.

— А что он строит?

Фёдор поднял с ящика одну рукавицу и протянул ей.

— Надень сначала. Здесь от одного сидения руки стынут.

Она взяла рукавицу за край, но надевать не стала. Посмотрела на дополнительный кусок кожи: он был пришит грубо, зато крепко. Тот, кто шил, начинал нить с середины, а не с края, и это Лиде понравилось. Так шов труднее распускался, если зацепить его рабочей частью ладони.

Сверху раздался долгий скрип. Фёдор поднял голову.

Свет между дугами побледнел. Ещё мгновение назад он был жёлтым и густым, теперь стал почти белым, и в нём обозначились мелкие частицы, висевшие неподвижно. Лида увидела, что каждая частица похожа на крохотную металлическую скобу. Они не падали. Просто становились всё яснее, пока смотреть на них не сделалось больно.

— Вот теперь отпусти, что держишь, — сказал Фёдор.

Она разжала пальцы. Рукавица упала на ящик и задела другую, большую; та соскользнула за край. Лида инстинктивно наклонилась и поймала её левой рукой за мягкую манжету.

Ящик исчез.

В комнате горела лампа. Виктор сидел на кровати, повернувшись к ней. Лида лежала на боку, прижимая левую руку к животу, и во рту у неё стоял вкус железа.

Она открыла ладонь. Между повязкой и пальцами была зажата кожаная рукавица.

Глава 3. Подкладка

Рукавицу Виктор трогать не хотел.

Он сидел рядом, пока Лида вертела её перед лампой, разглядывая складки кожи и широкую манжету. Внутри пахло железной пылью, чуть сладковато, как иногда пахнут старые ключи в ладони. На краю виднелась крошечная треугольная прорезь. Никакой бирки, штампа или знакомого шва. Обычная большая рабочая рукавица, если не знать, откуда она появилась.

— Ты меня искал? — спросила Лида.

— Искал.

— Где?

— Там есть длинный проход. Я по нему дошёл до лестницы, дальше не получилось.

— Вниз?

— Вверх.

Она положила рукавицу на одеяло. Они говорили о лестницах, будто каждый побывал в чужом доме и теперь пытался объяснить другому, где находится кухня.

— Фёдор был со мной. Ещё мастер приходил. Седой, в коротком пальто. Ты его знаешь?

— Видел.

— Он говорит, что разбудить не может.

Виктор потянул угол одеяла, освободив ногу. Рукавица сдвинулась к краю, и Лида придержала её тыльной стороной руки.

— Ты когда проснулся?

— Минут десять назад.

— И просто сидел?

— Я тебя звал. Ты не отвечала. Потом повернулась, я подумал, что сейчас сама проснёшься.

— А трогал?

Он кивнул.

— За плечо. Ты отодвинулась.

Лида попыталась вспомнить, был ли там, возле ящика, момент, когда кто-то коснулся её плеча. Ничего такого не находилось. Она помнила голос мастера, холод у запястий, светлые скобки в воздухе. Рукавица была зажата в пальцах, и всё это помнилось гораздо яснее, чем вчерашний разговор с врачом.

— Сегодня я буду у Жени, — сказала она.

Виктор поднял голову.

— Зачем?

— Она на меня посмотрит. Пока сплю.

— Я могу посмотреть.

Лида не ответила. Он понял, отвёл глаза и встал с кровати. На часах было без четверти шесть. За окном по-прежнему горел фонарь.

***

Марина приехала в мастерскую раньше Лиды и успела поставить на раскройный стол стакан кофе. Валя успела этот стакан переставить. Когда Лида вошла, обе стояли у стола и смотрели на пустое место, где он только что был, так, будто решали вопрос о границе между двумя государствами.

— Я же с крышкой, — говорила Марина.

— А у нас с тканью, — ответила Валя.

Лида прошла мимо них, не раздеваясь, и положила на чистый край пакет с пальто. Рукавица лежала в другом пакете, маленьком, спрятанном в сумке. Ей хотелось оставить её дома, но ещё сильнее хотелось иметь при себе. Если исчезнет, тогда она хотя бы будет знать, в какой момент перестала смотреть.

— Вот, — сказала Лида. — Пуговицы не все. Одну прикрепила, остальные нет.

Марина посмотрела на повязки, затем сняла очки, словно без них можно было увидеть лучше.

— Господи. Что с тобой?

— Обожглась.

— И ты с этим шила?

Валя многозначительно молчала. Лида вынула пальто и расправила его на столе.

— Я думала, получится. Не получилось. Валя может сегодня пришить, если у тебя есть час.

— Есть, конечно. Но зачем ты вообще пришла?

— Ты вчера сказала, что без пальто не уедешь.

Марина замахала рукой.

— Ну я же не знала, что у тебя такое. Можно было нормально объяснить.

Лида посмотрела на Валю. Та подняла брови, но ничего не сказала. Все трое помолчали, пока Марина рассматривала подкладку.

— Зато внутри хорошо. Я как будто другое пальто купила.

Она провела ладонью по ткани, и Лида ощутила короткое, неожиданное удовольствие. Вчера эта подкладка раздражала её своей теснотой, сегодня лежала ровно. Вещь удалось поправить. Это можно было увидеть без чужих объяснений.

— Только не цепляй сумкой вот здесь, — сказала она, показывая место у бокового шва. — У тебя на карабине заусенец. Он и старую подкладку съел.

Марина сразу полезла за сумкой. Валя взяла пальто, чтобы заняться пуговицами, и Лида наконец расстегнула куртку.

Мастерская состояла из двух комнат и узкого коридора, в котором вешалки постоянно мешали открывать дверь. Лида снимала здесь место третий год. Валя работала у хозяйки помещения и принимала заказы сразу на троих мастеров, отчего все иногда спорили, кто кому должен за лишнюю примерку. У дальней стены стоял длинный раскройный стол, который Лида хотела взять себе, если соседка по комнате окончательно уедет к сыну. Об этом уже говорили два месяца. Деньги пока не отдала, потому что Виктор считал, что нужно сперва закончить ремонт кухни.

Вдоль края стола лежали чужие выкройки. Лида коснулась их пальцами и тут же убрала руку: не могла сейчас ни передвинуть всё, ни начать то, ради чего собиралась сюда прийти.

— Я тебе не только из-за пальто голову морочу, — сказала Марина.

Она вернулась с сумкой и держала карабин перед собой, как маленькую разоблачённую неисправность.

— У нас на следующей неделе вещи придут. Немного. Платья, жакеты. Мне нужен человек, который подгонит на женщин, без этих ваших «заберите через месяц». Можно у нас примерять, а здесь делать. Ты же сама говорила, что устала одни молнии менять.

Лида говорила. Полтора месяца назад, когда Марина принесла третью за неделю куртку. Сказала со злостью, потому что молнии приносили деньги, а всё остальное, ради чего она когда-то училась, помещалось в свободные вечера и просьбы знакомых сделать подешевле.

— Когда именно придут?

Марина назвала день и стала объяснять, сколько вещей собирается привезти. Не так много, как Лида ожидала, но больше, чем можно было делать между чужими срочными зака-

зами. Пока она слушала, появилось знакомое рабочее возбуждение: место у окна, отдельные часы для примерок, новый стол. Потом боль в ладони вернула её к повязкам.

— Я сейчас не обещаю.

— Я вижу. К вечеру подумай. Может, через несколько дней руки уже будут лучше.

— Думать я могу и сейчас. Мне нужно понять, сколько ты платишь за одну переделку.

Марина уселась на край свободного стула. Она любила говорить о будущей работе так, будто у всех уже есть общее желание, а деньги только портят хороший разговор. Лида сегодня не могла позволить себе этот способ.

Они спорили почти полчаса. Валя в это время пришивала пуговицы и пару раз вмешалась, потому что Марина предлагала считать примерку частью переделки даже тогда, когда после неё клиентка отказывалась от вещи. В конце договорились сначала попробовать на трёх заказах. Марина записала Лидин номер в ещё один телефон, рабочий, и вдруг спросила:

— А Женя у тебя снимает ещё?

— Снимает.

— Нам бы вещи показать. Я сама фотографирую, но всё какое-то серое выходит.

Лида уже открыла рот, чтобы сказать «конечно», и закрыла его. Достала телефон, нашла контакт дочери и отправила Марине.

— С ней поговори. Я её цены не знаю.

Марина посмотрела с лёгким удивлением, но спорить не стала.

Когда она ушла, Валя положила перед Лидой иглу, оставшуюся от пальто, и сказала:

— Эту забери. А то потом опять скажешь, что я хорошую унесла.

Лида засмеялась. Ей впервые за утро стало почти спокойно.

***

Женя ответила на третий звонок. Сначала сказала, что занята, потом услышала голос матери и спросила, что случилось.

— Я хотела сегодня у тебя переночевать.

— Вы с папой поругались?

— Да. Но не поэтому.

На другом конце стало тихо. Дочь отошла куда-то, и фоновая музыка оборвалась.

— А почему?

Лида посмотрела на пакет в сумке. Можно было сказать про руки, про плохой сон, про необходимость отдохнуть. Всё это было бы правдой по отдельности и ложью вместе. Она вышла из мастерской в коридор, где пахло чьими-то мокрыми сапогами.

— У меня ночью странное происходит. Я просыпаюсь с ожогами. Не могу понять, что делаю во сне.

— Врач был?

— Вчера. Ожоги посмотрели. Про сон я толком не объяснила. Тогда ещё не знала, что говорить.

— Мам, а сейчас знаешь?

— Нет.

Это слово прозвучало легче всего остального. Лида прислонилась плечом к стене и закрыла глаза.

— Приезжай, — сказала Женя. — Только я до семи не дома. И у меня есть нечего.

— Я привезу.

— Не готовь. Просто купи что-нибудь.

— Я с такими руками и не собиралась.

— С какими?

Пришлось рассказать о повязках. Дочь разозлилась, потому что узнала об этом только сейчас. Лида дала ей выговориться, потом сказала, что сегодня всё покажет. Разговор кончился неловко, без привычного «ну всё», и ещё несколько секунд она держала телефон у уха, хотя вызов уже завершился.

Из мастерской выглянула Валя.

— Тебе мужчина. Который окошко делал. Говорит, пять минут.

У входа стоял Фёдор с небольшой плоской коробкой. Когда-то он действительно чинил здесь раму, и Валя с тех пор считала его надёжным мастером, хотя сам он утверждал, что был столяром, а не оконщиком.

— Переноску принёс, — сказал он Лиде. — Для руки. А то тебе теперь пакет за ручки таскать — всю кожу сдерёшь.

В коробке лежала деревянная ручка с широким тканевым ремнём. Фёдор показал, как можно подцепить за неё ручки пакета и перекинуть ремень через предплечье. Лида поблагодарила. Ей было немного неловко: сосед успел утром сделать полезную вещь, пока она только разговаривала о том, чего не понимает.

Она отвела его к своему столу и достала рукавицу.

Фёдор узнал её сразу.

— А я думал, упала.

— Поймала.

— Говорил же — отпусти.

— Ты кольцо сам принёс.

— Кольцо тебе нужно. А это зачем?

Он взял рукавицу, вывернул манжету, понюхал и поморщился.

— Вот и ночью так пахнет. Я всё думал, от печи.

— Ты видел печь?

Фёдор задумался.

— Нет. Но где-то ведь греют.

Лида забрала рукавицу обратно. После ночи ей хотелось разложить всё по знакомым местам: кузница, значит, печь; рукавица, значит, кожа; мастер, значит, человек, знающий, что делают остальные. Каждая такая мысль держалась ровно до следующего вопроса.

— Витя сказал, что нельзя заканчивать работу.

Фёдор перестал улыбаться.

— Почему?

— Говорит, потом забывают людей. Ты слышал такое?

Он положил деревянную переноску на стол и пригладил ладонью ремень.

— Слышал всякое. Там все разговоры любят.

— Фёдор Иванович.

— Что? Мне до конца два ряда осталось. Я третью неделю с этим листом бьюсь. Может, я хочу увидеть, что получилось.

— Я не говорю тебе бросать. Я спрашиваю, слышал ли.

— Слышал.

Он произнёс это сердито. Лида почувствовала, что сейчас сама станет той, кто объясняет взрослому человеку, как ему жить, и всё-таки не могла остановиться.

— Тогда хотя бы подожди. Пока мы не поймём.

— Кто мы?

Она не нашлась с ответом. Фёдор посмотрел на её руки, и сердитость чуть отступила.

— Не буду я сегодня заканчивать. Мне ещё край выправлять. Но ты тоже не думай, что здесь я от безделья туда хожу. У меня нормальная жизнь.

— Я так не думала.

— По лицу твоему вижу.

Он попрощался с Валей слишком громко и ушёл, оставив переноску на столе. Лида проводила его взглядом. Ей хотелось догнать, объяснить, что она испугалась за него, но он уже вышел на улицу, и она осталась возле окна с чужой рукавицей в руке.

***

К семи Лида привезла к Жене пакет еды и маленькую сумку, в которой лежали запасная кофта, перевязочные вещи, зарядка и рукавица. Кольцо она оставила дома на блюдце. Виктор помог спустить сумку к машине и спросил, когда её ждать обратно. Лида сказала, что не знает. Он не стал обещать приехать следом.

Женя снимала квартиру вместе с девушкой по имени Ася. Ася работала в другой смене и возвращалась поздно; её комнату Лида видела только через открытую дверь, когда проходила в кухню. На подоконнике стояли три одинаковых горшка с разными растениями. Одно совсем засохло, но из земли торчала аккуратная палочка с названием, написанным от руки. Лида подумала, что у дочери пока нет времени выбрасывать даже то, что уже не нужно спасать.

— Это Асино, — сказала Женя, заметив её взгляд. — Она говорит, ещё отойдёт.

— Я ничего не сказала.

— У тебя бровь сказала.

Они рассмеялись одновременно, и Лида смогла снять куртку без того чувства, с которым стояла у двери. Будто приехала к дочери в гости, а не принесла с собой неизвестную беду.

Женя разогрела еду и рассердилась на количество.

— Мам, ты переночевать приехала или перезимовать?

— Там на Асю тоже.

— Ася ест другое.

— Тогда на завтра останется.

Во время ужина дочь не торопила её с рассказом. Сначала сообщила про Марину: та уже позвонила, обещала прислать примеры и спросила, нельзя ли снять «как у одного магазина, только без больших расходов». Женя собиралась согласиться, если удастся договориться о понятном количестве вещей. Лида старалась не давать советов и всё равно дважды начала говорить, пока дочь не подняла вилку.

— Я спросила всё, что надо. Правда.

— Хорошо.

— Ты мне её дала или меня ей?

Лида посмотрела на дочь и улыбнулась.

— Номер твой дала. Остальное сами.

После еды Женя убрала со стола. Лида выложила рукавицу на клеёнку.

Дочь поднесла её к лампе, заглянула внутрь и спросила:

— Это папина?

— Нет.

Лида рассказала всё с самого начала: утро, кольцо, Фёдора, ночной лист, мастера. Не стала описывать каждый разговор с Виктором. Несколько раз остановилась, потому что собственные слова начинали звучать нелепо, но Женя молча ждала, и она продолжала.

Когда закончила, дочь положила рукавицу обратно.

— Я не знаю, что тебе сказать.

— Мне не нужно, чтобы ты сейчас что-то объяснила.

— Я поняла. Но я всё равно не знаю.

Женя встала и открыла холодильник, хотя ничего оттуда не взяла. Постояла, глядя на полку, затем закрыла дверцу.

— Ты можешь ночью вставать и делать что-то, а потом не помнить. Такое же бывает. Руки надо ещё раз показать и про сон сказать тоже.

— Да. Только кольцо почему у Фёдора?

Дочь посмотрела на неё.

— Я не могу сейчас ответить. Может, он как-то…

Она не закончила. Лида могла сама придумать продолжение: сосед взял кольцо, они с Виктором зачем-то устроили розыгрыш, мать устала и принимает за воспоминание рассказ другого человека. Любая такая версия требовала представить людей, которых она знала, способными на бессмысленную жестокость. Но её собственная версия тоже не оставляла их прежними.

— Давай просто посмотрю, — сказала Женя. — Ты ляжешь, я посижу. Если начнёшь вставать, увижу.

— Тебе завтра работать.

— Не с утра.

— Всё равно надо спать.

— Мам. Ты для этого приехала.

Лида замолчала. Дочь убрала рукавицу в прозрачный пакет и положила на подоконник, подальше от еды. Потом принесла из своей комнаты чистое постельное бельё.

Раскладывая диван, они долго не могли найти, за что тянуть. Женя уверяла, что механизм простой, Лида предлагала приподнять край, обе боялись сломать чужую мебель. Наконец диван с грохотом раскрылся, и из щели выпала маленькая пластиковая заколка.

Женя подняла её и посмотрела на мать.

— Вот. Эта точно отсюда.

Лида засмеялась так сильно, что пришлось сесть. Дочь улыбалась, держа заколку двумя пальцами, и некоторое время они обе могли делать вид, будто приехали сюда именно ради этого.

Глава 4. Чужая постель

Лида лежала под одеялом с жёлтыми кругами и смотрела, как дочь работает.

Женя сидела за столом боком к дивану. На экране стояла белая чашка с блюдцем, и дочь то приближала её, пока край не распадался на квадратики, то отодвигала обратно. Один раз чашка стала чуть зеленее, потом снова побелела.

— Тут хорошо уже, — сказала Лида.

— Здесь хорошо. На остальных плохо.

Женя открыла соседний снимок. Чашка была такая же, но Лиде показалось, что на этот раз её поставили ниже.

— А почему нельзя первую оставить?

— Потому что это другая чашка. У неё ручка другая.

Дочь показала разницу. Лида увидела и больше не стала вмешиваться. В мастерской её тоже иногда спрашивали, зачем так долго возиться, если снаружи всё одинаковое.

За дверью звякнули ключи. Женя вышла в коридор. Лида услышала вполголоса сказанное «мама у меня», потом шуршание пакета. Ася заглянула в комнату, всё ещё держа на плече ремень сумки.

— Здравствуйте. Я вам подушку дам. У Жени эта вся внутри комками.

— Не надо, я уже устроилась.

— Нет, я принесу. Я на ней всё равно не сплю.

Она скрылась за дверью и вернулась с большой белой подушкой. Женя забрала у неё сумку, чтобы та не съезжала с плеча, пока Ася меняла подушки. Лида осторожно подняла голову.

— Вот так гораздо лучше, — призналась она.

— Я знаю. А Женя говорит, что ей и на старой нормально.

— Мне правда нормально, — сказала дочь. — Ты же спать хотела.

Ася пожелала им спокойной ночи. В коридоре она ещё спросила, можно ли взять принесённую еду, и Лида успела громко ответить, прежде чем Женя прикрыла дверь.

— Возвращаетесь к ночи, потом не едите толком, — начала Лида, когда дочь села.

Женя повернулась к ней.

— Мы едим, мам. Иногда даже без тебя.

Лида потянула одеяло к плечу, зацепив его двумя пальцами. От чужой подушки пахло порошком. Из-за разложенного дивана дочь придвинула стул вплотную к столу и теперь задевала его коленом.

— До скольких тебе сидеть с чашками?

— Часов до двух. Если не буду отвечать на вопросы про чашки.

— Я могу ещё не спать.

— А потом я могу уснуть раньше тебя. Давай сейчас.

Дочь взяла телефон и поставила будильник.

— На час тридцать пять. Посмотрим, проснёшься или нет. А ближе к двум я лягу, ладно? У меня завтра не с утра, но мне ещё ехать за фоном.

— Конечно. Мне даже неудобно...

— Не начинай. Я сама сказала приехать.

Женя оставила телефон на столе. Лида повернула голову: через щель двери был виден край кухонного окна. Пакет с рукавицей лежал там же, где дочь положила его после ужина. Между складками прозрачного пластика виднелась широкая манжета. На Лидиных руках были только повязки. Перед сном Женя помогла ей закрепить отошедший край левой.

— Если я буду что-нибудь делать, сними, — сказала Лида. — На телефон. Я хочу сама увидеть.

— Хорошо.

— Только никуда не посылай.

— Мам, кому я пошлю?

Дочь ответила без обиды. Лида представила себя на записи — в старой футболке, с перевязанными руками, — и чуть не передумала. Но утром ей хотелось самой увидеть, что произошло.

Женя погасила верхний свет. Осталась настольная лампа, отвёрнутая к стене, и белая чашка на экране. Лида закрыла глаза. Некоторое время она слышала щелчки мыши, шум воды за стеной и Асины шаги. Один раз уже почти провалилась в сон, но дёрнулась всем телом и открыла глаза.

Дочь подняла большой палец, не спрашивая ничего.

Лида снова закрыла глаза.

***

Фёдор стоял на колене перед листом. Перед ним лежали три короткие полоски металла, и он по очереди подкладывал их под край, выбирая нужную толщину.

Лида узнала ящик, решётчатую перегородку, одинокую белую рукавицу на пруте. Оттого, что всё оказалось на прежних местах, ей захотелось закричать. Она проехала через город, спала на чужом диване, слушала за стеной незнакомую женщину — и всё это ни на шаг не отодвинуло её от железного листа.

— Подай вон ту, — сказал Фёдор, не поднимая головы. — Которая ближе к тебе.

— У меня руки.

Он обернулся.

— А, ты. Я думал, он вернулся.

Фёдор выпрямился с коротким кряхтением. Лида посмотрела на свои запястья. Тёмные нарукавники снова были здесь, под ними виднелись белые края повязок. Правая ладонь болела. Ни одеяла с кругами, ни запаха порошка. В мягких чёрных ботинках ноги чувствовали слабое движение настила.

— Кто вернулся?

— Парень один. Помогал край поднять.

— А Виктора ты не видел?

Фёдор покачал головой и потянулся за полоской сам. Он поддел край листа длинной вилкой с деревянной рукоятью, подставил выбранную полоску, убрал вилку и присел посмотреть сбоку.

Лида подошла к ящику. Меньшая рукавица с кожаной накладкой лежала на нём. Она осталась одна.

— Большая у Жени, — сказала Лида. — Я у дочери сегодня сплю.

Фёдор поднял глаза.

— И всё равно сюда?

Лида кивнула.

Он помолчал, потом сел на корточки у другого края. Положил пальцы на рукоять молотка, но убрал руку, заметив Лидин взгляд.

— Я только ровняю, — сказал он. — Рядов не трогаю.

— Я вижу.

— А смотришь так, будто не видишь.

Лида отошла от ящика. Слева был проход к лестнице вниз, где она остановилась в прошлую ночь. Виктор говорил о длинном проходе и лестнице вверх. Они могли находиться на противоположных концах этого места, а могли пройти вчера в двух шагах друг от друга.

Она подошла к решётчатой перегородке.

— Та женщина ещё там?

— Приходила. Сейчас не слышно.

— Как открыть?

Фёдор встал, но Лида уже нащупала тыльной стороной пальца край створки. На уровне плеча был короткий рычажок, скрытый за вертикальным прутом. Она приподняла его, и створка подалась без скрипа. Прижимать горячий металл ладонью не пришлось.

— Я посмотрю за стеной.

— Только недалеко.

— Если Витя придёт, скажи, куда я пошла.

— Скажу. Под ноги смотри.

За створкой было жарче. Вертикальный лист, который вчера удерживали Фёдор с женщиной, теперь подпирали снизу две толстые косые распорки. Лида обошла их, стараясь не задеть ботинком. Между листом и внешним ограждением оставалось достаточно места, чтобы пройти боком. Дальше узкая дорожка поворачивала вдоль высокой стены, и оттуда слышались частые звонкие удары.

Она позвала Виктора. От собственного голоса стало неловко: будто кричала на чужом рабочем месте. Никто не ответил. Лида позвала ещё раз, громче, и звон на мгновение оборвался.

— Здесь нет, — сказал кто-то за поворотом.

На дорожке показался молодой человек. Он нёс на плече длинный прут, придерживая его одной рукой возле щеки. Свободной рукой поманил Лиду назад.

— Дайте пройду. Не развернуться.

Она отступила к распоркам. Парень протиснулся мимо, перенёс задний конец прута через одну из них и поставил его к стене. Только тогда Лида разглядела его: худой, с широким ртом, волосы прилипли ко лбу.

— Виктора ищете?

— Да. Он сказал, что был у лестницы. Которая вверх.

— Тут есть одна. Дальше. А он какой?

Лида описала мужа и вдруг обнаружила, как мало можно сообщить о человеке, если не знаешь, во что он одет. Сорок четыре года, тёмные волосы, чуть ниже Фёдора. Парень не знал Фёдора по имени. Пришлось показать через створку.

— А, с молотком. Нет, другого такого не видел. С молотком видел.

Он улыбнулся. Лида попыталась улыбнуться в ответ.

— Боря, — сказал он. — А вы тоже тут работаете?

Она показала повязки.

— Пока доработалась. Лида.

— Это с первого раза?

— Да.

— А я плечо стукнул. Думал, буду насквозь проходить, раз снится. Хорошо хоть разбег не взял.

Борис потрогал стену костяшками пальцев, потом наклонился за прутом.

— На лестницу прямо и налево. Я туда же, только положу сначала.

Лида ждала, пока он устраивал прут возле двух других. Один всё время съезжал вбок. Борис подложил снизу короткий обрезок и удовлетворённо кивнул, когда прут замер.

Он повёл её за поворот.

Справа тянулись перегородки из частых прямых прутьев. За ними стояли такие же перегородки, и от множества вертикальных линий рябило в глазах. Борис приветственно постучал по пруту. Из-за решётки ответили коротким стуком.

— Что вы собираете? — спросила Лида.

— Решётки. Большую клетку, наверное.

— Для кого?

— Не знаю. Может, пустую. Мне эти штуки дали, я и делаю.

Он сказал это легко, без Фёдоровой обиды на вопрос. Лида посмотрела на высокие ряды. Ей трудно было представить зверя, которому понадобилась бы такая клетка.

— Тебе нравится?

— Здесь? Да.

Борис оглянулся, удивлённый тем, что это можно было спросить.

— Я вчера один ряд выставил, а сегодня смотрю — стоит. Ни один не ушёл. Сейчас ещё поперечину положу. Хотите покажу?

— Мне мужа найти надо.

— Ну да. Я помню.

Он пошёл быстрее. Лида постаралась не отстать.

Они миновали лестницу, опускавшуюся на маленькую площадку, затем поворот у двух высоких стоек. На правой стойке, чуть ниже Лидиного плеча, застряла красная полоска ткани. Её зажало в узкой прорези, и свободный конец медленно шевелился. Лида машинально отметила, что край не рваный, а срезан наискосок. Такие обрезки оставались у неё после обработки округлой горловины. Красное было единственным цветным пятном среди тусклого железа.

За стойками дорожка стала шире. Борис спокойно прошёл, а под Лидиной ногой что-то съехало.

Она успела сделать полшага вперёд и остановилась, расставив ноги. Под правым ботинком лежал небольшой прямоугольный лист. Его ближний край оставался на опоре, дальний ушёл вниз, и перед носком открылась щель. Лист медленно наклонялся от её веса.

Лида потянулась к ограждению, но вспомнила о ладонях и прижалась к нему предплечьем. Боль отдалась даже сквозь нарукавник. Внизу, в щели, на мгновение стало видно другое железо, далеко под ней.

— Боря.

Он уже сделал несколько шагов и не услышал.

— Боря!

Парень повернулся. Улыбка с его лица сошла. Он подошёл, не наступая на лист, схватил Лиду выше локтя и потянул к себе.

— Левую сначала. Ко мне.

— Она стоит.

— Тогда правую снимайте. Снимайте, я держу.

Лида перенесла вес на левую ногу и подняла правую. Лист качнулся обратно, гулко стукнул по опоре. Она поставила ногу возле Бориного ботинка, на неподвижную полосу у стены, затем переступила на неё обеими ногами. Только тогда высвободила руку.

— Я же по нему прошёл, — сказал Борис.

Лида не отвечала. Её мутило, под повязкой пульсировала ладонь. Хотелось сесть, но садиться было некуда.

Борис протянул к листу ногу и тут же убрал.

— Подвинул, наверное. Когда шёл. Тут край на край лежит. Обойдём. Здесь у стены место есть.

— Ты каждый раз так ходишь?

— Нет. Обычно нормально.

Они миновали ненадёжный участок по узкой полосе вдоль стены. Лида держала локоть прижатым к боку. Борис теперь оглядывался часто, отчего ей становилось только хуже.

Лестница вверх оказалась за следующим поворотом. Узкая, крутая, она уходила между двумя глухими стенами, и верхняя площадка отсюда не просматривалась. Лида встала у нижней ступени и позвала мужа.

Сверху отозвались мужским голосом:

— Кого?

— Виктора Рябинина!

Некоторое время слышалось только царапанье по металлу. Потом тот же человек сказал, что не знает такого.

— Спросите, пожалуйста, у тех, кто рядом!

— Нет здесь Виктора! — донеслось сверху.

Лида поставила ботинок на нижнюю ступень. Перила были гладкими и слишком толстыми, чтобы обхватить их пальцами, не касаясь ладонью. После качнувшегося листа ноги ещё дрожали. Она посмотрела вверх и убрала ногу.

— Я завтра узнаю, — сказал Борис. — Если увижу, спрошу.

— Только скажи, что я его искала. Жена. Он поймёт.

— Скажу.

Царапанье наверху возобновилось. Лида повернулась к Борису.

— Мне обратно.

Он проводил её до ненадёжного листа, показал обход. Дальше собирался идти с ней, но со стороны решёток его позвали.

— Я найду, — сказала Лида.

— Там налево.

— К красной тряпке, потом налево. Я помню.

Борис посмотрел на стойки, будто впервые заметил застрявшую ткань.

— Ага. Потом всё прямо.

Он ушёл к решёткам. Лида добралась до стоек и остановилась под красным лоскутом. С этой стороны были видны два прохода: более широкий шёл вдоль глухой стены, узкий возвращал к створке Фёдоровой перегородки. Если бы не тряпка, она выбрала бы широкий. Теперь она узнала прорезь, скошенный срез ткани и повернула туда, откуда пришла.

До ящика она не дошла. Откуда-то тянулся тонкий повторяющийся звук, совсем не похожий на удары и скрежет. Лида остановилась, пытаясь припомнить знакомую мелодию. Когда-то она сама поставила её на телефон, а потом сменила, потому что утром от первых нот хотелось зажмуриться.

Она зажмурилась и теперь. Открыв глаза, увидела белую чашку на экране.

***

Телефон звонил на столе. Дочь сидела на краю дивана, держа Лиду за плечо.

— Всё. Проснулась?

Лида кивнула. Женя дотянулась до телефона и выключила будильник. На тёмном экране остались цифры: 01:35.

В комнате пахло нагретым компьютером. На Лиде было одеяло с кругами; одна ступня высунулась наружу и мёрзла. Она осторожно втянула её обратно. Ботинок не было. Нарукавников тоже. Повязки остались на месте.

— Ты меня сразу разбудила?

— Будильник зазвонил, ты не пошевелилась. Я позвала. Раза три, наверное. Потом за плечо. Ты сказала «Женя» и открыла глаза.

Лида села. На языке был железный привкус, но слабее, чем прошлым утром. Там всё ещё продолжалась работа. Белый свет не появлялся.

— Я опять там была.

Женя убрала руку с её плеча.

— Ты здесь лежала. Я видела.

— Я понимаю. Но и там была.

Лида стала рассказывать: Фёдор подбирал полоски под край, за перегородкой молодой парень собирал решётки, потом по дороге сдвинулся лист. При слове «сдвинулся» дочь спросила, не ударилась ли она. Лида осторожно подвигала руками. Боль была прежняя.

— Я его там не нашла.

— Папу?

Лида кивнула. Дочь помолчала, глядя на неё, потом вдруг сказала:

— Мне хочется ему позвонить. Сейчас.

— Зачем?

— Спросить, что он вообще делает. Почему ты тут, а он дома.

Телефон лежал рядом. Лида видела, как дочь смотрит на него, и тоже надеялась: может, Жене он ответит иначе.

— Не надо. Я с ним сама.

— Ты утром тоже сама была. И мне ничего не сказала.

— Да.

Дочь сходила в кухню за водой для матери и села за стол.

— Я не хочу тебя между нами ставить, — сказала Лида.

— А я не хочу узнавать последней.

В коридоре тихо щёлкнула дверь. Они обе замолчали. Прошлёпали босые шаги, в ванной зашумела вода. Женя понизила голос:

— Я не могу каждую ночь смотреть, как ты спишь. Сегодня могу. Завтра у меня съёмка, потом надо отдать эти чашки. Я уже два раза клиентке сказала, что почти готово.

Лида отпила воды и попросила дочь поставить стакан на стол.

— И не надо каждую. Ты сегодня меня разбудила. Я хоть это теперь знаю.

— Что именно знаешь?

— Что могу вернуться раньше. От твоего голоса. Или от будильника, не знаю. Но раньше.

Женя посмотрела на телефон.

— Я сняла немного. Ты рукой дёргала.

Она открыла запись и передала телефон матери. На маленьком экране Лида лежала на боку, лицом к спинке дивана. Правая рука лежала поверх одеяла; пальцы дважды согнулись и распрямились. Было слышно, как Женя тихо спрашивает: «Мам, всё нормально?» Ответа не последовало. Запись кончилась.

— Это когда?

— В двенадцать сорок семь. Я тогда заметила и сняла. Потом ты перестала. Я хотела разбудить, но ты перевернулась и спокойно легла.

Лида снова включила короткое видео. Нельзя было понять, в какой момент ночной дороги это происходило.

— Я не вставала?

— При мне нет. Я один раз в туалет выходила, минуты на две. Всё остальное время здесь. Но я в экран смотрела, мам, не на тебя без остановки.

Лида вернула телефон.

— Спасибо.

Дочь отложила его и потёрла глаза.

— Давай я до двух закончу, потом ляжем. Ты можешь здесь остаться и завтра, только днём я уеду.

— Завтра решим. Сейчас делай свои чашки.

Лида поправила подушку, легла на другой бок и посмотрела в щель двери. Прозрачный пакет с большой рукавицей по-прежнему лежал на кухонном подоконнике.

Дочь снова принялась работать. Лида слушала щелчки мыши и старалась не мешать. Через несколько минут чашка на экране наконец сменилась другой, с широкой синей ручкой.

— Эту я бы купила, — сказала Лида.

Женя не обернулась, но плечи её чуть расслабились.

— Вот и клиентка должна захотеть.

Лида закрыла глаза.

Глава 5. Два ряда

Утром Женя спала лицом к подушке, в той же футболке, в которой сидела за компьютером. Одеяло сползло к ногам. Лида остановилась в дверях её комнаты и не стала будить.

После половины второго она больше ничего необычного не помнила. Будто наконец получила несколько часов того сна, который прежде не считала подарком. Проснулась от шума воды: Ася собиралась уходить, долго искала что-то в кухне, потом закрыла за собой дверь. Дочери рядом уже не было.

Лида тихо оделась, убрала запасную кофту в сумку. В кухне взяла с подоконника прозрачный пакет с рукавицей. Треугольная прорезь на краю манжеты никуда не делась. Она повернула пакет, чтобы рукавица легла плоско, и поместила его между кофтой и перевязочными вещами.

Собрать диван одной не получилось. Лида подцепила тканевую петлю пальцами, потянула и сразу отпустила. Диван остался раскрытым. Она разгладила одеяло тыльной стороной кисти и написала дочери, что уехала. Потом добавила про диван. Стерла извинение: Женя ещё ночью устала от её извинений.

Внизу пахло мокрыми листьями. На скамейке у подъезда сидел мужчина с маленькой собакой, держа её поводок через колено. Собака с любопытством обнюхала Лидины ботинки, потом ткнулась носом в край сумки. Лида отодвинула сумку раньше, чем успела подумать. Мужчина подтянул поводок и сказал, что собака ничего не возьмёт.

— Я не из-за еды, — ответила Лида.

Объяснять дальше не стала.

На повторном осмотре она прямо сказала, что не знает, где и когда обожглась. В прошлый раз сама назвала утюг, потом усомнилась. Теперь пришлось объяснять эту неуверенность, и от этого рассказ становился ещё менее убедительным.

Женщина, перевязывавшая руки, слушала без удивления. Спросила о боли, о прошедшей ночи, попросила не помогать ей пальцами. Лида всё время пыталась удержать край повязки, словно боялась, что без неё работа не получится.

— Я могу немного шить? — спросила она.

— Вы мне сейчас сами показали, как можете.

Лида опустила глаза. От самого лёгкого движения ей хотелось отдёрнуть руку.

Об ожогах ей объяснили понятное. С ночами всё оказалось труднее: нужно было рассказать о них отдельно, не между двумя вопросами о повязке. Лида записалась ещё на приём. Не почувствовала, что её тайну объяснили, но впервые перестала прятать её за случайным утюгом.

Из коридора позвонила Вале.

— Сегодня не приду. Не отдавай мой край стола, я завтра заберу выкройки.

— Я что, уже сдала его?

— Нет. Я так сказала.

Валя сообщила, что Марина прислала фотографии первых платьев. Потом спросила, можно ли дать Лидин номер женщине, которой нужно укоротить рукава. Та уже приносила жакет весной и хотела снова попасть к ней.

— Дай. Только пусть не ждёт к пятнице.

— Я ей уже сказала. Она согласна подождать именно тебя.

Лида прислонилась к прохладной стене. Ничего особенного в этих словах не было: постоянная клиентка предпочитала знакомого мастера. Но на минуту удалось забыть о пакете в сумке.

***

Фёдора она встретила у их подъезда. Он стоял возле открытого багажника, держа в руках ту самую дверцу, которую возил ещё позавчера. Рядом переминался незнакомый Лиде мужчина в спортивной куртке. Оба смотрели на нижний угол дверцы.

— Здесь чуть снимем, — говорил мужчина. — Всё равно внизу не видно.

— Серёжа, если у тебя пол кривой, дверца в чём виновата?

— Не будешь же ты мне из-за неё пол перестилать.

Фёдор заметил Лиду и повернул дверцу лицевой стороной. Он держал её уверенно, широко расставив руки, и дерево выглядело лёгким, хотя она знала, что это не так.

— Видишь? Вот здесь рисунок подходит. А он предлагает отпилить угол.

Лида подошла ближе. На двух соседних досках тёмные полосы сходились под небольшим углом. Она сперва решила, что доски вырезаны из одного куска, но Фёдор объяснил, как подбирал их по отдельности. Серёжа слушал с тем спокойным видом, с каким, вероятно, слышал это уже не в первый раз.

— Мне нравится, — сказала Лида. — Только я пол у вас не видела.

Серёжа засмеялся.

— Вот. Человек сначала посмотрит.

— Я твой пол видел. Я на нём коленками стоял, пока мерил.

Они подняли дверцу вдвоём. Фёдор велел Серёже не хвататься за петлю и показал, куда поставить ладонь. Потом оглянулся на Лиду:

— Ты домой? Я через полчаса зайду, переноску покажешь. Удобно или переделать?

— Она в мастерской осталась.

— А несёшь опять так.

Он посмотрел на ремень сумки, который она перекинула через предплечье, и смягчился:

— Ладно, уже лучше.

Лида подержала им дверь подъезда локтем. Фёдор прошёл последним; в узком месте он сам развернул дверцу, не позволив углу задеть стену. Ей вдруг стало понятно, почему ночной лист ему так нужен. Она и прежде знала, что сосед умеет работать. Просто обычно вспоминала об этом, когда требовалось что-нибудь починить.

Через сорок минут Фёдор позвонил в дверь. Дверца встала, пол остался прежним. Внизу пришлось переставить тонкую подкладку под корпус шкафа. Сосед рассказывал это, оттирая с рукава мелкую древесную пыль, и Лида не сразу решилась заговорить о ночи.

Она впустила его в кухню. Большую рукавицу уже вынула из сумки и положила вместе с пакетом на свободную полку в прихожей. В кухне ничего от ночного места не было.

— Я вчера за перегородкой далеко прошла, — сказала Лида. — Там парень Боря. Решётки собирает.

— Молодой? Он мне поднимать помогал.

— Сказал, может быть, клетка.

Фёдор рассмеялся.

— Хороша клеточка.

— Ты сам не знаешь, что получается.

— Не знаю. Увижу, когда закончится.

Он взял со стола салфетку, тщательно вытер пальцы. Лида не предложила ему чай; оба стояли, словно разговор мог кончиться раньше, чем закипит вода.

— Ты и сегодня будешь делать?

— Если окажусь там, буду.

— Край ещё не выровнял?

— Выровнял. Ты ушла, я всё подогнал.

Она посмотрела на его руки. Сейчас ему нужно было закончить два ряда. Ей это представлялось двумя шагами к чему-то страшному. Фёдор, наверное, видел наконец ровный край без подпорок.

— Я бы оставила до завтра.

— Ты вчера до сегодня оставила.

Он сказал это без прежнего раздражения. Выбросил салфетку и остановился у двери.

— Лида, ты пойми. Мне третью неделю снится одна и та же работа. Я уже знаю, где там рукой провести, чтобы не зацепиться. У меня этот лист никуда не падает, никому не мешает, я сам его поставил. Хочу хоть раз отойти и посмотреть без ящика под ногами.

— А если Витя прав?

Фёдор долго не отвечал.

— Может быть, прав. Я не говорю, что он дурак.

— Тогда зачем?

Сосед устало посмотрел на неё.

— Потому что и я не дурак, Лида. Просто боюсь, видно, не того, чего ты.

Она уже знала, что следующая просьба ничего не изменит. Могла повторять, могла заставить его рассердиться, чтобы потом жалеть о резкости. Вместо этого взяла со спинки стула свою куртку, освобождая ему проход.

— Ты уходи. Я не держу.

Фёдор замялся, будто предпочёл бы, чтобы она ещё поспорила. Потом сказал, что утром будет дома: Серёжа попросил зайти только после обеда. Лида проводила его и закрыла дверь.

***

Виктор пришёл с маленьким пакетом из магазина. Лида сидела перед телефоном, положив рядом несколько чистых листов. Марина прислала платье, на котором предстояло переделать пройму. Лида не могла сейчас шить, зато могла понять, за какую работу стоит браться. Она увеличивала снимок, рисовала карандашом примерную форму детали и помечала, что нужно посмотреть на примерке.

Муж поставил пакет на пол.

— Как Женя?

— Работает. Я ей всю ночь мешала.

— Она что-нибудь увидела?

Лида отложила карандаш. Рассказала о короткой записи, о ночном будильнике и о том, что проснулась до белого света. Виктор слушал, наклонившись вперёд. Она не показывала ему видео: оно осталось у дочери.

— Значит, разбудить можно, — сказал он.

— Вчера получилось. У Жени.

Он понял, почему она добавила последние слова, и поджал губы.

— Я тебя тоже звал.

— Ты уже говорил.

Лида могла бы спросить, как он звал, сколько раз и почему не попытался ещё. Вместо этого рассказала о пути за перегородку: две стойки, красный обрезок в прорези, дальше лестница вверх. Спросила, это ли место он видел.

— Не уверен. Там много лестниц.

— Если сегодня окажешься рядом, иди к красной тряпке. За ней узкий проход. Я буду у Фёдора, где ящик.

Виктор кивнул.

— Он собирается заканчивать, — сказала Лида.

Муж поднял голову.

— Сегодня?

— Если попадёт туда.

Он достал телефон, нашёл контакт и поднёс к уху. Лида наблюдала за ним. Виктор мог сейчас сказать Фёдору то, чего ей не говорил. Мог назвать человека, с которым уже случилась беда, объяснить, почему дело не в страшном слухе.

— Фёдор Иванович? Это Витя. Лида сказала, ты с листом заканчиваешь... Да, про тот. Не торопись, пожалуйста.

Он слушал. Проговорил ещё раз, что лучше не торопиться, потом предложил зайти. Ему ответили что-то длинное. Виктор отвёл глаза от жены.

— Хорошо. Понял.

Он опустил телефон.

— Не хочет разговаривать.

— Ты ему ничего не сказал.

— Всё, что мог, сказал.

Лида собрала свои рисунки. Медленно, захватывая листы за углы, чтобы не тереть ладонь. Муж смотрел, но не помогал, и за это она была ему благодарна: иначе пришлось бы отнимать у него бумагу.

На столике в спальне стояло синее блюдце. Кольцо лежало на прежнем месте, косой царапиной вверх. Лида положила рядом телефон. Рукавица осталась в прихожей. В постели ей понадобились только свободные края одеяла, за которые можно было взяться без боли.

***

Фёдор работал один.

Лида увидела его со спины: жилет с длинным зашитым разрезом, согнутые плечи, нога возле ящика. Разрез разошёлся ещё немного, теперь из-под нитки выглядывала светлая ткань рубахи. Фёдор не замечал этого. Он прижимал плоский инструмент к краю листа и выжидал, пока стихнет гул от предыдущего удара.

Нижний ряд уже был сплошным.

— Я пришла, — сказала Лида.

— Вижу.

Он не повернулся. Ударил, отложил молоток и проверил инструментом тёмный круг на металле. Потом только выпрямился.

— Под руки не подходи. Здесь тесно.

Лида остановилась у ящика. Меньшая рукавица лежала на краю. Она подвинула её двумя пальцами подальше, чтобы снова не смахнуть, и села.

Фёдор сделал ещё одно крепление. От последнего места его отделяли два коротких промежутка. Лида смотрела на свободный конец ряда и не могла оторваться. На её глазах сужалось пространство, в котором ещё можно было оставить всё как есть.

— Витя тебе звонил.

— Звонил.

— Ты его послушай.

— Я слушал. Он всё одно: не надо. На третий раз я уже понял.

Фёдор взял плоский инструмент и положил обратно. Некоторое время просто стоял перед листом.

— Ты обещал не заканчивать, — сказала Лида и тут же осеклась.

Он повернул к ней голову.

— Вчера. Вчера и не закончил.

— Да. Я помню.

Фёдор снова принялся за работу. Движения стали медленнее. Лида знала это состояние по себе: когда за спиной стоит человек и ждёт ошибки, начинаешь делать привычное слишком осторожно, перестаёшь доверять рукам.

Она поднялась.

— Оставь последнее. Всё остальное ведь будет сделано.

— И что я тогда увижу?

— Почти всё.

Фёдор усмехнулся, глядя на металл. На верхней кромке ещё оставалась узкая красная полоска. Он провёл вдоль неё инструментом, проверяя, где она поддаётся.

Из-за перегородки показался Борис. Принёс короткую толстую подставку, обхватив обеими руками. Остановился возле Фёдора, переводя дыхание.

— Эту? Тяжёлая, зараза.

— Под край. Только пальцы не сунь.

Борис присел, пододвинул подставку ногой. Фёдор зацепил лист вилкой, приподнял ровно настолько, чтобы она вошла снизу. На мгновение они оба замерли, потом Фёдор опустил край.

— Хорошо. Теперь не гуляет.

Борис выпрямился и заметил Лиду.

— Я вашего не видел. Спрашивал наверху, там ещё один Виктор есть, но не такой. С бородой.

— Спасибо.

— Я дальше спрошу.

Он ушёл, забрав с собой две ненужные полоски. Лида смотрела ему вслед. Ему было легко здесь находиться, легко подхватить чужую тяжесть, получить благодарность и пойти дальше. Она тоже умела так работать. До этой недели ей казалось, что знает цену такой лёгкости.

Мастер пришёл, когда в верхнем ряду оставалось одно пустое место.

Он не принёс ничего в руках. Остановился за Фёдором, проследил глазами край листа. Фёдор чуть отступил, давая посмотреть, и впервые за эту ночь улыбнулся.

— Теперь ровно.

Мастер провёл костяшками пальцев вдоль соединения. Снизу раздался глухой ответный звон.

— Здесь довести. Потом опоры уберём.

Он указал на последнее место. Фёдор кивнул.

— Не надо, — сказала Лида.

Мастер посмотрел на неё. Потом на её перевязанные руки.

— Вы сегодня не держите.

— Я не об этом. Что с ним будет, когда он закончит?

— Законченную работу сможет увидеть.

— Завтра. Что будет завтра?

Мастер не ответил сразу. Он присел у подставки, которую принёс Борис, и поправил её, сдвинув на ширину пальца.

— Фёдор Иванович, прежде чем убирать, вот здесь ослабьте. Иначе закусит.

Лида шагнула к нему. Мастер поднялся, и ей пришлось остановиться почти вплотную. От его пальто пахло тем же, чем от принесённой рукавицы.

— Вы меня слышали?

— Слышал. Но я не могу сделать так, чтобы вы перестали бояться.

— Можно оставить одно место.

Он повернулся к Фёдору:

— Если оставляете, подставку не трогать.

Фёдор провёл ладонью по лбу. Потом потянул ящик ближе к себе. На ящике подпрыгнул молоток, и Лида придержала его за самый конец рукояти. Дерево под пальцами было тёплым.

— Лида, отдай.

Она держала молоток, всё ещё лежавший на ящике. Можно было сдвинуть его от Фёдора, спрятать за спину. Он попросил бы снова. Или взял бы другой. Лида отпустила рукоять.

— Я не хочу утром к тебе прийти и стать чужой.

Сосед посмотрел на неё. В его лице что-то дрогнуло; впервые он, кажется, представил не слух, а её саму у своей двери.

— Приходи, — сказал он. — В восемь. Кофе сварю.

— Я приду.

Фёдор взял молоток. Она отошла к стене.

Последний удар почти не отличался от предыдущих. Та же дрожь прошла по настилу. Та же тёмная круглая отметина появилась там, где только что оставался красноватый металл. Фёдор не сразу опустил руку; смотрел на сделанное, словно ждал, что придётся ударить ещё раз.

Фёдор передал мастеру плоский инструмент, а молоток положил на ящик. Мастер наклонился к ряду. Надавил инструментом возле последнего крепления, затем постучал по нему рукоятью.

— Держит.

Мастер положил инструмент на ящик. Они с Фёдором убрали две полоски из-под края, затем вместе отодвинули поперечные опоры. Осталась толстая подставка. Мастер помог ослабить её, и она вышла с коротким сухим скрипом. Фёдор подхватил подставку обеими руками и поставил возле ящика.

Лист остался на месте.

Теперь между ним и настилом был свободный просвет. Ничто не подпирало нижний край, и Лида увидела всю поверхность разом — широкую, уходящую вверх, с двумя ровными рядами тёмных точек. Фёдор отступил к ней. На лице у него было такое открытое удовольствие, что ей захотелось отвернуться.

— Красиво, — сказал он.

Лида кивнула. Это и правда было красиво.

Мастер ушёл за перегородку. Фёдор остался возле ящика, потянул за пояс жилета и попытался расправить зашитый разрез на спине.

— Совсем порвался?

— Сантиметра два. Не тяни.

Он послушно убрал руку.

— Ладно. Потом починишь. Если захочешь.

Лида ничего не сказала. Сосед стоял рядом, узнавал её, помнил, чем она занимается, и был доволен своей работой. Сейчас она не могла показать ему ничего другого.

Глава 6. Фёдоров завтрак

В восемь Лида позвонила в дверь Фёдора, держа на сгибе локтя пакет с двумя булочками. Купила их внизу за несколько минут до восьми. Одну с яблоком, другую с творогом: не помнила, какую сосед любит, а спрашивать вчера не догадалась.

Дверь открыл он сам. В старых домашних брюках, с кухонным полотенцем через плечо. Из квартиры пахло жареным луком.

— Доброе утро, — сказала Лида.

— Здравствуйте.

Он подождал, поглядывая на пакет.

— Я вовремя?

Фёдор слегка нахмурился.

— А вы к кому?

Она знала, что такое может произойти. Всю ночь ждала этого вопроса, а утром всё равно принесла две булочки, будто от неё зависело только угощение.

— К тебе. Ты вчера позвал. На кофе.

— Я?

Фёдор посмотрел за её плечо, на пустую лестничную площадку. Наверное, хотел увидеть человека, который объяснит чужую ошибку. Лида не оборачивалась.

— Лида я.

Он кивнул с вежливым вниманием.

— Лидия. Хорошо. А...

— Рябинина. Мы через два этажа живём. Витя мой муж.

Фёдор поправил полотенце на плече. На лице появилось облегчение.

— А, Викторова жена. Вы насчёт ручки? Он звонил недавно.

— Насчёт чего?

— Нет, это раньше. Ручка на двери заедала. Я вам говорил, надо пружину сменить. Или ему говорил.

Лида смотрела на знакомое лицо. Фёдор вспоминал их дверь, Викторов звонок, даже называл нужную деталь. Перед ним стояла женщина, которой он три дня назад принёс из другой ночи обручальное кольцо, и он пытался догадаться, зачем она пришла.

Из кухни донеслось шипение.

— У меня яйца, — сказал Фёдор. — Сгорят. Вы проходите, сейчас.

Он оставил дверь открытой и поспешил к плите. Лида вошла, закрыла за собой. В прихожей висела его коричневая куртка с чёрным воротником. Она остановилась перед ней и коснулась пальцами гладкого нового края.

Фёдор вернулся.

— Куртка? Так это вы её делали?

— Я.

— А я имя забыл. В мастерской мне говорили. Хорошо сделали, до сих пор ношу.

Он снял куртку с крючка и показал воротник изнутри, как показывают человеку понравившуюся покупку. У левого угла шов слегка уходил вниз. Лида хотела выправить его, когда перешивала, но Фёдор попросил оставить: иначе давило на шею.

— Вот здесь ты не дал убрать, — сказала она.

— Да. Я так и просил. У меня шея короткая, под самые уши не надо.

Он улыбнулся. Лида тоже, по привычке, и от этого стало совсем дурно.

— Ты меня не узнаёшь.

Фёдор перестал улыбаться. Повесил куртку, поправил рукав, который зацепился за крючок.

— Простите. Я по утрам иногда...

Он не закончил. Посмотрел на её повязки и замер.

— Руки что?

Лида подняла их, не понимая, что именно показывает: ожоги или последнюю возможность вспомнить.

— Ты знаешь. Я там обожглась.

— Где?

— Где лист. Я с тобой держала. Сначала. Потом уже не могла.

Он оглянулся в кухню, словно лист мог находиться там, и снова посмотрел на неё. На этот раз без улыбки, без извинения. Лида увидела, как он испугался.

— Вы сядьте.

Она прошла к столу. Положила пакет с булочками у края и села на ту же табуретку, на которой три дня назад пила чай. Дощечки на подоконнике уже высохли. Чашка, прежде прижимавшая их, стояла рядом, с тёмным ободком на дне.

Фёдор выключил огонь. Яйца успели сильно поджариться по краям, лук потемнел. Он постоял со сковородой в руке, не находя места, потом поставил её на свободную конфорку.

— Я лист закончил, — сказал он.

— Я видела.

— Там женщина была. Мы говорили.

Лида не ответила. Он смотрел на неё внимательно, будто лицо могло измениться, если дать ему время.

— Это была ты? — спросил Фёдор.

— Я.

Он опустился на стул. Некоторое время сидел неподвижно, положив руки на колени.

— Я помню, что обещал не заканчивать. На одну ночь. И не закончил тогда. А вчера закончил. Но тебя...

Он опять поднял глаза. Лида ждала, пока он договорит, и с каждой секундой всё яснее понимала, что продолжения не будет.

— Ты меня на кофе позвал.

— Да. Кажется, да.

Фёдор встал, открыл шкафчик. Достал банку растворимого кофе, затем вернул её и вынул маленький пакет с молотым. Посмотрел на него, словно не знал, зачем купил, потом поставил на стол.

— Я это вчера... Думал сварить.

Лида почувствовала, как от этого пакета у неё начинает дрожать подбородок. Она сжала губы. Фёдор видел, что она вот-вот заплачет, и отступил к плите, давая ей время справиться.

— Не из-за кофе, — сказала она.

— Я понял.

Он не спрашивал больше, кто она. Это было хуже первых вопросов. Теперь он знал её имя, понимал, что они знакомы, и старался не причинить лишнего чужой женщине, которая сидела в его кухне.

Лида хотела рассказать ему про воротник, про сложенный стул у стены, про деревянную ручку с ремнём. Вещей хватило бы на целое утро. Но он и куртку помнил. От каждого нового рассказа он только получал бы ещё одну причину верить ей.

— Кому можно позвонить? — спросила она.

Фёдор резко повернулся.

— Зачем?

— Чтобы ты сейчас был не один. И чтобы тебя посмотрели. Это же вдруг случилось.

Он обвёл взглядом кухню. Лида поняла: хочет найти то, что забыл ещё. Чашки, плита, стул стояли на своих местах. Она одна не помещалась среди них.

— Серёже, — сказал он наконец. — Наверху живёт. Мы вчера шкаф поставили. Он меня знает.

Он взял телефон. Номер нашёл сам, быстро, без Лидиной помощи.

— Серёг, спустись ко мне... Нет, всё с дверцей нормально. Со мной не очень. Тут женщина пришла... Нет, не продавать. Ты спустись, я объясню.

Фёдор положил телефон возле кофе. Снова посмотрел на Лидины руки.

— Тебе больно сидеть? То есть... Руки болят?

— Сидеть не больно.

— Я ерунду говорю.

— Нет. Просто руки болят. Как вчера.

Он потянул к себе пакет с булочками, остановился, взглянул на неё. Лида кивнула. Фёдор вынул обе и положил на тарелку. Взял нож, разрезал яблочную пополам. Она не просила резать, и на секунду в этом движении вернулся знакомый Фёдор, который замечал, чем можно помочь раньше, чем человек успевал попросить.

Потом он аккуратно подвинул тарелку к ней и спросил, не холодно ли ей у окна.

Лида покачала головой.

***

Сергей пришёл в мягких домашних штанах и с телефоном в руке. На ходу объяснял кому-то, что вернётся минут через десять. Увидев Лиду, кивнул ей:

— Здравствуйте. Вчера всё-таки обошлись без пилы.

Фёдор поднял голову.

— Ты её знаешь?

— Вчера у машины видел. Это же... — Сергей посмотрел на Лиду, не помня имени.

— Лида. Соседка.

— Да. Вы вместе стояли.

Фёдор провёл ладонью по лицу. От Сергеевых слов ему сделалось хуже: ещё один человек помнил то, чего он не мог найти в себе.

Лида рассказала, как пришла. О ночном листе не стала говорить первой; Фёдор тоже промолчал. Серёжа слушал всё серьёзнее и больше не торопился возвращаться наверх.

— Давай позвоним, — сказал он. — Пусть приедут. Вчера же разговаривали нормально.

Фёдор кивнул. Сергей вышел в прихожую, чтобы объяснить по телефону случившееся. Лида слышала его голос и ответы на вопросы, но не разбирала каждое слово. Он не говорил, что у соседа страшная болезнь, не пытался сам назвать её. Сообщил адрес, возраст, то, что видел сейчас и вчера.

Лида позвонила Виктору. Он ответил не сразу; в трубке шумел двигатель.

— Фёдор меня не узнал.

Шум оборвался. Муж, вероятно, заглушил машину.

— Ты у него?

— Да. Сергей здесь. Вызвали помощь.

— Я сейчас приеду.

— Ты на работе?

— Подъезжал. Развернусь.

Фёдор смотрел на неё, пока она разговаривала. Когда Лида убрала телефон, спросил:

— Витя?

— Да.

— Он вчера звонил. Тоже говорил не заканчивать.

Лида кивнула.

— Ты не хотел ждать, — сказала Лида.

— Не хотел, — подтвердил Фёдор.

На плите стояла сковорода с несъеденным завтраком. Сергей вернулся, спросил, не выключить ли газ, хотя огня уже не было. Проверил ручки и убрал нож с края стола. Лида заметила, как Фёдор следит за ним. Вчера он сам показывал Сергею, куда поставить руку, сегодня Сергей ходил по его кухне, убирая вещи, которые всю жизнь лежали здесь безопасно.

— Я газ выключил, — сказал Фёдор.

— Вижу. Я просто посмотрел.

Сергей сел, чтобы больше ничего не проверять у него на глазах.

Ожидание оказалось самым тяжёлым. Про работу говорить не хотелось, о болезни никто пока не знал, молчание заставляло Фёдора снова и снова смотреть на Лиду. Она взяла половинку булочки, откусила, не чувствуя вкуса. Фёдор машинально подвинул к ней салфетницу.

Когда позвонили в дверь, он сам пошёл открывать.

Виктора узнал сразу.

— Витя, заходи. У нас тут вот что.

И только произнеся это, понял. Обернулся к Лиде. Она сидела за столом, всё ещё держа над тарелкой недоеденную половинку.

Виктор прошёл в кухню, поздоровался с Сергеем. Лиде ничего не сказал. Положил руку Фёдору на плечо, но тот отстранился.

— Погоди. Я тебя вижу. Я тебя знаю.

— Да.

— А её нет.

Виктор молчал. Фёдор смотрел то на него, то на Лиду, и оба они понимали, чего он сейчас ждёт: одного слова, после которого она тоже окажется знакомой.

— Это моя жена, — сказал Виктор.

— Мне сказали уже, чья она жена!

Фёдор резко поднял голову. Потом извинился, сел, снял с плеча полотенце и положил на стол. Лида вспомнила, как ночью он стоял перед своим листом. Сейчас ей хотелось вернуть не память даже, а то выражение его лица — хоть на минуту, пока они сидят здесь и ждут.

***

Когда приехала бригада, Лиде пришлось снова рассказать утро с самого начала. Фёдор отвечал сам, иногда поправлял её в мелочах. Он помнил, сколько ему лет, чем занимался прежде, кто живёт этажом выше. Не узнал Лиду ни после её рассказа, ни после Викторовых слов. Внятные ответы на всё остальное не отменяли того, что произошло.

Фёдор согласился ехать для дальнейшего обследования. Сергей стал собираться с ним; спросил, где документы, принёс куртку из прихожей. Фёдор назвал ящик, сам достал нужное и убрал в карман куртки. Пришлось попросить его не идти в больницу в домашних штанах. Он рассердился, что все вдруг начали им командовать, но пошёл переодеваться.

Лида осталась у окна. Врач спросила её о повязках. На несколько секунд два разговора сошлись в один: она объясняла собственные руки, Фёдор из комнаты говорил Сергею, что ремень висит за дверью, Виктор молча смотрел на чашку с засохшим ободком.

Лида сказала, что уже обращалась за помощью и придёт ещё. Про ночь тоже собирается рассказать. Врач кивнула, вернулась к Фёдору.

Фёдор вышел одетым. Чёрный воротник куртки подвернулся внутрь.

Лида привычно шагнула к нему, подняла руки и остановилась. Он смотрел на неё настороженно: не понимал, что она собирается делать.

— Воротник, — сказала она. — Завернулся.

Фёдор сам поправил его. Провёл пальцами по тому углу, который когда-то попросил оставить ниже.

— Так?

— Да.

В прихожей было тесно. Лида отступила, пропуская его. Сергей забрал со стола телефон и ключи, положил Фёдору в карман. Тот проверил рукой, всё ли на месте. Лида вернула целую творожную булочку в пакет и протянула Сергею.

— Если там задержитесь.

— Возьму, — сказал Сергей.

Фёдор кивнул ей с благодарностью. Так он мог кивнуть любому человеку, позаботившемуся о нём в трудное утро.

Перед выходом Сергей записал Лидин номер и обещал позвонить. На площадке Фёдор сам вынул ключи и запер дверь. Они ушли, а Лида и Виктор остались у лестницы.

— Поедем следом? — спросил муж.

— Серёжа с ним. Он сказал, позвонит.

— Теперь ты видел, — сказала Лида.

Он не посмотрел на неё.

— Да.

— А когда мне про людей говорил, ты уже такое видел?

Виктор повернулся. Она не спрашивала, знает ли он причину, и не позволяла спрятаться за этим вопросом.

— Да, — повторил муж.

Лида стала подниматься к их квартире. Виктор шёл следом. Два этажа оказались длиннее всей утренней дороги к соседу.

Дома она села в кухне. Телефон лежал перед ней, но Сергей не звонил. На белой салфетке под тарелкой было напечатано несколько синих цветков. Один попал под край тарелки и исчез наполовину. Лида посмотрела на него, подвинула тарелку и вдруг заплакала.

Виктор остался в дверях. Она слышала его дыхание, слышала, как он переступил с ноги на ногу, но подойти не попросила.

Глава 7. Чужая знакомая

Сергей позвонил ближе к вечеру. Фёдор оставался в больнице. Его ещё смотрели, собирались оставить до утра, и объяснения тому, что произошло в кухне, пока не дали.

— Он разговаривает нормально, — сказал Сергей. — На меня даже накричал, что я дверь у него не проверил.

— Он сам запирал.

— Я знаю. Он тоже знает. Всё равно велел зайти подёргать.

Лида улыбнулась.

— Подёргай.

— Уже. Всё закрыто. Я ему позвонил, сказал.

Она спросила, нужно ли что-нибудь привезти. Сергей перечислил, что успел забрать у Фёдора из дома. Ключ хозяин дал ему сам. Список был коротким и успокаивающим: обычные вещи, которые требуются человеку, если он ночует не в своей постели.

Лида поблагодарила и закончила разговор. Не стала просить Сергея ещё раз спросить о ней. После утра она знала, как выглядит такое спрашивание.

Валя прислала фотографию пакета с выкройками: собрала, чтобы ничего не затерялось на общем столе. Лида ответила, что сегодня не заберёт. Думала добавить объяснение, но вместо него написала спасибо. Валя ничего не переспросила.

Виктор вернулся позднее. Доехал до работы после утреннего возвращения, теперь привёз горячую еду в двух контейнерах. Открыл крышки, нашёл вилки. Лида сидела у стола, и ей было неловко от того, что она ждёт, пока муж всё поставит перед ней. Ещё неловче было понять, как сильно она этого хочет.

Он сообщил, что звонил Сергею.

— Мне он тоже позвонил, — сказала Лида.

Виктор кивнул. На этом разговор закончился. Они ели. Муж разделил её большой кусок мяса на несколько маленьких, подвинул тарелку обратно. Лида сказала спасибо, не подняв глаз.

Уходить к Жене она сегодня не собиралась. Дочь написала, что закончила съёмку и теперь едет домой с тяжёлым фоном. Лида хотела предложить Виктору встретить её, но Женя сразу прислала второе сообщение: «Машину уже вызвала».

Перед сном Лида увидела пакет с рукавицей на полке в прихожей. Так и не убрала его. Виктор повесил куртку рядом, не задев пакет, хотя обычно его рукав цеплялся за всё, что лежало на этой полке.

В спальне Лида поставила телефон на зарядку. Кольцо лежало в блюдце. Снимать ей было нечего, и всё же она машинально провела большим пальцем по основанию безымянного.

— Если увидишь Фёдора, сразу зови меня, — сказала она мужу.

— Хорошо.

— Я опять пойду туда, где он работал.

Виктор остановился возле кровати.

— Не нужно ничего там трогать.

Лида посмотрела на него. Он уже понял, как прозвучало это очередное предупреждение, и отвёл взгляд.

— Я про руки, — добавил он.

Она легла, не ответив.

***

Фёдор сидел на ящике. Молоток лежал рядом. За его спиной поднимался законченный лист: два ряда креплений, свободный низ, никакой подставки.

— Лида, — сказал он, увидев её. — Ты кофе так и не выпила.

Она остановилась в нескольких шагах.

Фёдор встал. Пола жилета подвернулась, и он попытался поправить её, но бросил на полпути.

— Я тебя знаю. Здесь знаю.

Лида подошла. Хотела сказать что-нибудь про утро, но вместо этого взяла его за рукав рубахи — у локтя, где можно было держать двумя пальцами. Фёдор не отстранился.

— Ты мне яблочную разрезал, — сказала она.

— Да. А другую Серёга принёс. Я её там съел.

— В больнице?

Он кивнул.

Они помолчали. Слева, за высокой стеной, что-то передвинули, и настил отозвался под ногами. Фёдор посмотрел на свой лист. Вчера не мог отойти от него, теперь повернулся почти сразу.

— Я утром на тебя смотрел, — сказал он. — И понимал, что надо вспомнить. Все ждут. А у меня ничего. Ты говоришь, Витя говорит, я уже от этого голоса боялся поднять голову.

— От моего?

— От любого. Думал, ещё спросят, а я опять не отвечу.

Лида отпустила рукав. Фёдор снова сел, оставив ей место на краю ящика. Она села рядом. Меньшая рукавица лежала возле молотка, с накладкой наверху.

— Сейчас всё помнишь?

— Тебя помню. Как с курткой к тебе приходил. Как ты мне посылку открывала, когда рука болела. Я бы с ней ещё час возился.

Лида кивнула. Он тогда даже не успел толком обрадоваться, что упаковка наконец снята: принялся объяснять устройство складного стула, словно именно ради этого она к нему пришла.

— А утром ты бы не смог?

— Я утром мог бы рассказать, как у меня рука болела. А что ты помогала... Мне это было как про другого рассказывают.

Он сжал руки между коленями.

— И я сейчас помню, что утром тебя не знал. Как так может быть?

Лида посмотрела на тёмные круги креплений. Вчера она видела, как появился последний, но он ничем не отличался от остальных.

— Пойдём к мастеру.

Фёдор медленно поднялся.

— Я думал, если что-то случится, я это сразу замечу. Там, после удара.

— Я тоже ждала.

— А ничего ведь.

Она не стала говорить, что случившееся утром не стало от этого меньше. Он знал.

***

Мастера нашли возле правой перегородки. Двое рабочих протаскивали через створку поперечную опору, которую вчера убрали из-под листа. Её верхний конец задел прутья, и весь проход загудел.

— Не сюда, — сказал мастер Фёдору. — Стойте у стены. Прижмёт.

Он сам взялся за опору, помог развернуть её. Лида отступила. После неустойчивого листа она слишком хорошо представляла, что будет, если придётся удержаться больными руками. Рабочие протащили железо за поворот, мастер вернулся и сдвинул с дороги оставшуюся короткую подставку.

— Теперь проходите.

Фёдор не двинулся.

— Я её утром не узнал.

Мастер посмотрел на Лиду, затем снова на него.

— А сейчас?

— Сейчас знаю. Утром не знал. Мне там врачей позвали.

Мастер помолчал.

— Сегодня не беритесь ни за что. Посидите пока. Вы свою работу сделали.

— А это что со мной?

— После большого куска бывает трудно вернуться к обычному. У вас сейчас несколько ночей подряд смешались.

Он говорил спокойно, без раздражения. Лида почти хотела поверить: вот человек, который наконец называет происходящее временной путаницей, а не тем, что останется навсегда.

Но Фёдор не перепутал день с ночью. Он не узнал её.

— У него ничего не смешалось, — сказала она. — Он Витю знал. Сергея знал. Только меня нет.

— Здесь ведь узнал.

— Мы здесь и были, когда он закончил. Я хочу, чтобы он дома меня узнал.

Мастер посмотрел ей в лицо, словно только теперь решил выслушать до конца.

— Не торопите его.

— Сколько ждать?

Он повернулся к Фёдору:

— Вы сегодня отдыхайте. У Бориса место свободное, там не будут ничего носить над головой. Завтра посмотрим.

Фёдор сделал шаг в сторону, пропуская вернувшегося рабочего. Тот направился к листу, к оставленному на ящике молотку. Сосед вдруг сказал:

— Это мой.

Рабочий остановился.

— Мне сказали тут взять.

Фёдор подошёл к ящику, взял молоток и прижал к бедру. Не собирался работать. Просто не хотел отдавать последнюю вещь, с которой ещё вчера обходился без чужой помощи. С молотком он вернулся к Лиде.

Мастер махнул рабочему в сторону перегородки.

— Там другой есть. Возьми.

Рабочий ушёл. Фёдор опустил руку, всё ещё держа молоток. Лида увидела, что он благодарен мастеру, и разозлилась: за эту маленькую услугу уже хотелось простить ему отсутствие ответа.

— У кого-нибудь прошло? — спросила она.

Мастер не переспросил, о чём речь.

— Люди по-разному привыкают.

— Я не про привыкание. Есть человек, который закончил, забыл, а потом снова вспомнил?

Фёдор смотрел на мастера так же пристально, как она.

— Я узнаю, кто сейчас приходит, — сказал тот. — Не все бывают каждую ночь.

Из-за поворота его окликнули. Мастер ответил, что идёт, и наклонился к Фёдору:

— Не заставляйте себя работать. И не стойте на проходе.

Он ушёл к рабочим. Разговор закончился, хотя Лида ещё не успела спросить, кого именно он собирается искать.

Фёдор провёл большим пальцем по обмотке молотка.

— Пойдём к Борьке, — сказал он. — Я тут всем мешаю.

***

Борис расчищал место возле своих решёток. Подтаскивал к стене обрезки, складывал короткие отдельно от длинных. Он заметил Фёдоров молоток и спросил, не помочь ли ещё с листом.

— Закончил, — сказал Фёдор.

— А, да. Видел. Хорошо вышло.

Сосед кивнул, но к своему листу не оглянулся. Борис подвинул ему низкую скамейку, которую до этого использовал вместо подставки, и продолжил складывать обрезки. Фёдор сел, положив молоток рядом.

Лида осталась стоять. Не хотела присаживаться, пока мастер где-то ходит, обещая узнать то, что, возможно, уже знает.

— Ты видел, кто ещё здесь раньше работал? — спросила она Бориса.

— Здесь много кто.

— У кого всё закончено. Как у Фёдора.

Борис выпрямился, держа короткий прут.

— А зачем?

Лида посмотрела на соседа. Фёдор сам ответил:

— Я её утром не узнал. Совсем. Врачи ещё смотрят, но началось после того, как доделал.

Борис перевёл взгляд на Лиду.

— Вы же... Сейчас-то...

— Сейчас узнаёт, — сказала она. — Нам нужен кто-нибудь, у кого уже так было.

Борис положил прут. Отступил к стене, освободив проход двум мужчинам с длинной связкой железных стержней. Подождал, пока они минуют перегородку.

— У Ларисы было что-то. Она тут ходила, искала своё место.

— Кто это?

— Мы на складе раньше вместе работали. Днём. Она сюда до меня стала приходить.

Фёдор поднял голову.

— Что у неё было?

— Не знаю всего. Говорила, закончила, а потом что-то пропало. У мастера спрашивала, как вернуть. Он её отправлял ждать.

— Вернулось? — спросила Лида.

Борис покачал головой.

— Она мне не говорила. Я не спрашивал. Мы тут редко попадаем вместе.

Он говорил уже тише. Впервые Лида видела, что парню не по себе среди его аккуратно поставленных решёток.

— Где её место?

— Там дальше было. Я её однажды проводил.

— Покажешь?

Борис посмотрел на незаконченный верхний край своей решётки. Потом вынул из пояса небольшой инструмент и положил на скамейку рядом с Фёдором.

— Покажу. Только не знаю, будет ли она.

Фёдор поднялся вместе с ними.

— Я тоже пойду.

— Тебе велели сидеть, — сказал Борис.

— Он мне работать не велел. Я и не работаю.

Сосед забрал молоток. Нёс его опущенной рукой, не размахивая, и отставать от них не собирался.

Лида узнала поворот у красного обрезка. Потом Борис свернул в широкий проход, который она тогда едва не выбрала, возвращаясь одна. Здесь было прохладнее. Вдоль стены тянулись ровные соединённые листы, без привычных ящиков, подставок и рассыпанных мелочей. За каждой новой перегородкой оказывался следующий такой же участок.

Узкий проход между последними двумя листами перегораживал поперечный прут. Один его конец лежал в открытом гнезде, другой удерживала цепь, наброшенная на короткий штырь.

Борис остановился.

— Не было этого.

Лида заглянула над прутом. За ним проход делал ещё один поворот. Свет падал сверху, но дальше было пусто: ни одного человека, ни звука работы поблизости.

— Может, можно обойти? — спросил Фёдор.

Борис посмотрел назад, потом на крепление.

— Здесь не заперто. Просто положили.

Он снял петлю цепи со штыря. Приподнял этот конец прута, вытащил другой из гнезда и прислонил к стене. Фёдор придержал цепь, чтобы она не ударила по настилу. Лида прошла первой.

За поворотом стояли три узких листа, уже соединённых между собой. Один бок темнел гладкой поверхностью, с другого виднелись крепления. У стены лежал низкий деревянный ящик без крышки. В нём не было ничего, кроме свернувшейся стружки.

— Вот тут она сидела, — сказал Борис. — Там ещё скамейка была.

Лида подошла к пустому ящику. На настиле возле него темнел след от чашки или банки — круг с незамкнутым краем. Обычный след, оставленный живым человеком. Оттого, что его было можно рассмотреть, место вдруг стало для неё убедительнее всех ответов мастера. Здесь кто-то проводил ночи, складывал вещи, уставал. Потом работа закончилась, а человек продолжал искать то, что потерял.

Она подняла голову.

Мастер стоял в проходе, возле отставленного прута.

— Кто открыл?

Борис вышел к нему.

— Я. Мы Ларису ищем.

Мастер посмотрел на него, затем на Фёдора с молотком.

— Здесь сейчас нельзя ходить. На следующем участке снимают настил.

Лида не знала, правда ли это. Из-за дальней стены доносились редкие тяжёлые звуки. Они могли означать именно снятый настил и десяток других работ, о которых она ничего не понимала.

— Лариса сегодня приходила? — спросила она.

— Я её не видел. Вы бы сначала спросили.

— Мы спрашивали про тех, кто закончил.

Мастер отступил, освобождая обратный путь.

— И я сказал, что узнаю.

Фёдор посмотрел в глубину прохода. Он мог пойти дальше, не поверив предупреждению; вчера поступил бы, наверное, упрямее. Сейчас первым повернул обратно. Борис последовал за ним. Лида задержалась возле ящика лишь на секунду и тоже вышла.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.